

ВЕСТНИК СВФУ

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

№1 (25)
2022

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО»**

**SERIES
«HISTORY.
POLITICAL SCIENCE. LAW»**

ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М.К. АММОСОВА
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО»

16+

Электронное научное периодическое издание

Издается с 2016 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»

1 (25) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИКА СВФУ»

Главный редактор:

А.Н. Николаев, д. б. н.

Члены редакционной коллегии:

А. А. Бурыкин, д. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Г. Гольдфарб*, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (NIH/NINDS) Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон; *С. А. Карабасов*, проф., Лондонский университет имени Королевы Елизаветы II, Великобритания; *Санг-Ву Ким*, Ph.D., Пусанский национальный университет, Южная Корея; *В. В. Красных*, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; *А. А. Петров*, д. филол. н., зам. директора Института народов Севера, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднадева*, д. филол. н., БГУ, Улан-Удэ, Россия; *Л. Сальмон*, проф., Генуэзский университет, Италия; *Дж. Судзуки*, проф., Университет Саппоро, Япония; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Дж.-Хо Чо*, проф. Университет Мёндзи, Южная Корея; *В. И. Васильев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Гермогенов*, д. б. н.; *Ю. М. Григорьев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Ефремов*, д. филол. н.; *А. П. Исаев*, д. б. н.; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., проф., академик РАН; *И. И. Мордосов*, д. б. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф.; *Н. Г. Соломонов*, д. б. н., член-корр. РАН, проф.; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО.

HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW»:

Заместитель главного редактора, редактор серии: *А. А. Муталиева*, к. ю. н.

Выпускающий редактор: *А. А. Павлова*, к. ю. н.

Технический редактор: *Н. Ю. Печетова*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Густав Вахтер, доктор права, проф., Инсбрукский университет имени Леопольда и Франца, Австрия; *Флориан Штаммлер*, научный сотрудник, Лапландский научный центр, Финляндия; *В. К. Андреев*, д. ю. н., проф., академик РАН, Российской государственный университет правосудия, Россия; *Л. В. Андреева*, д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Россия; *Т. Б. Басова*, д. ю. н. проф., Дальневосточный федеральный университет, Россия; *Л. В. Бертовский*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *П. В. Гоголев*, д. ю. н., проф., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *А. М. Дроздова*, д. ю. н., проф., Северо-Кавказский федеральный университет, Россия; *В. В. Кванина*, д. ю. н., проф., Южно-Уральский государственный университет, Россия; *М. Е. Колесникова*, д. и. н., проф., Северо-Кавказский федеральный университет, Россия; *К. Г. Малыхин*, д. и. н., проф., Южный федеральный университет, Россия; *А. Ю. Мамычев*, д. пол. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *Т. С. Минаева*, д. и. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; *Д. Н. Миронов*, д. ю. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Ю. Д. Петров*, д. полит. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. Н. Радченко*, к. и. н., доц., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. А. Стручкова*, к. и. н., доц., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. С. Тимофеев*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *А. Е. Шапаров*, д. пол. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; *А. С. Шаталов*, д. ю. н., проф., Московская академия Следственного комитета РФ, Россия.

Адрес учредителя и издателя:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.

Адрес редакции:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677027, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, каб. 367.

Юридический факультет Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Сайт редакции: http://s-vfu.ru/universitet/nauka/Magazines/History_polit_jur/

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW» SERIES

Electronic scientific periodical

Published since 2016

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«M. K. Ammosov North-Eastern Federal University».

1 (25) 2022

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief *A.N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Members of the editorial board:

A. A. Burykin, Dr. Sci. Philology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation; *L. G. Goldfarb*, Prof., the National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of the National Institutes of Health of the USA, Washington; *S. A. Karabasov*, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain; *Sang-Woo Kim*, Dr. Sci. Philosophy, Pusan National University, Republic of Korea; *V. V. Krasnykh*, Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University, Russian Federation; *A. A. Petrov*, Dr. Sci. Philology, Vice Director, Institute of the Peoples of the North, Saint Petersburg, Russian Federation; *L. D. Radnayeva*, Dr. Sci. Philology, Buryat State University, Ulan Ude, Russian Federation; *L. Salmon*, Prof., University of Genoa, Italy; *J. Suzuki*, Prof., Sapporo University, Japan; *A. N. Tikhonov*, Cand. Sci. Biology, RAS Zoological Institute, Saint Petersburg, Russian Federation; *J.-H. Cho*, Prof., Myongji University, South Korea; *V. I. Vasiliev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Germogenov*, Dr. Sci. Biology; *Yu. M. Grigoriev*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Prof.; *N. N. Yefremov*, Dr. Sci. Philology; *A. P. Isayev*, Dr. Sci. Biology; *G. F. Krymskiy*, Dr. Sci. Physics & Mathematics, Acad. RAS, Prof.; *I. I. Mordosov*, Dr. Sci. Biology, Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. Philology, Prof.; *N. G. Solomonov*, Dr. Sci. Biology, Corr. Member RAS, Prof.; *G. G. Philippov*, Dr. Sci. Philology, Prof.

THE EDITORIAL BOARD SERIES

Deputy Editor-in-Chief, editor of the series: *A. A. Mutualieva*, Cand. of Law.

Production Editor: *A. A. Pavlova*, Cand. of Law.

Technical Editor: *N. Yu. Pechetova*, Cand. of Philology.

The members of the series' editorial board:

Dr. Gustav Wachter, Professor, University of Innsbruck, Austria; *Florian Stammer*, Research Professor, Arctic Center, University of Lapland, Finland; *V. K. Andreev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian State University of Justice, Russia; *L. V. Andreeva*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kutafin Moscow State Law University, Russia; *T. B. Basova*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Far Eastern Federal University, Russia; *L. V. Bertovsky*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *P. V. Gogolev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *A. M. Drozdova*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, North-Caucasus Federal University, Russia; *V. V. Kvanina*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, South Ural State University, Russia; *M. E. Kolesnikova*, Doctor of Historical Sciences, Professor, North-Caucasus Federal University, Russia; *K. G. Malykhin*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Southern Federal University, Russia; *A. Y. Mamychev*, Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *T. S. Minaeva*, Doctor of Historical Sciences, Professor, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia; *D. N. Mironov*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *Y. D. Petrov*, Doctor of Political Sciences, Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. N. Radchenko*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. A. Struchkova*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. S. Timofeev*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *A. E. Sharapov*, Doctor of Political Sciences, Professor, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia; *A. S. Shatalov*, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Moscow Academy of the Investigative Committee of the RF, Russia.

Founder and publisher address:

the North-Eastern Federal University, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial Office address: 367 off., 42 Kulakovskogo st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Faculty of Law of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

http://s-vfu.ru/universitet/nauka/Magazines/History_polit_jur/

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Басова Т. Б., Бурдинская А. Н.</i> Уголовно-правовая борьба с распространением венерических болезней в 1920-е годы становления системы советской России	5
<i>Данилова К. А., Павлова А. А.</i> Вооруженность как критерий бандитизма в Российской Федерации	11
<i>Маякунов А. Э.</i> К вопросу о предметно-объектной специфике социологии права	15
<i>Миронов Д. Н.</i> Республики в составе России в постреформенном правовом пространстве	22
<i>Ноговицын А. К., Яковлев Н. М.</i> Проблемы учета региональных особенностей при правовом обеспечении недропользования в Арктической зоне РФ	29
<i>Цалиев А. М.</i> О вопросах становления регионального конституционализма в России (на примере Северной Осетии)	38

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Оглезнева Т. Н.</i> Роль программ императорского русского географического общества в организации исследования этнографии народов Северо-Востока Азии	46
<i>Сивцева С. И., Акимова В. С., Курчатова Т. Т.</i> Принудительная ссылка на край земли: спецпоселенцы в Якутии в 1940-е годы	52

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Савостин П. Г.</i> Концепт «долг» в конституционном праве	64
<i>Шадрин В. В.</i> О конституционно-правовых основах идеи общего блага в Российской Федерации	71

ЮБИЛЕИ

<i>Ким-Кимэн А. Н.</i> Слово о якутском Апостоле права	76
--	----

CONTENTS

LAW

<i>Basova T. B., Burdinskaya A. N.</i> Criminal fighting with the spread of venereal diseases in the 1920s the formation of the system soviet Russia	5
<i>Danilova K. A., Pavlova A. A.</i> Armament as a criterion of Banditry in the Russian Federation	11
<i>Mayakunov A. E.</i> To the question of subject-object specifics of the sociology of law	15
<i>Mironov D. N.</i> Republics within Russian Federation in the post-reform legal space	22
<i>Nogovitsyn A. K., Yakovlev N. M.</i> Problems of taking into account regional features in the legal provision of subsoil use in the Arctic zone of the Russian Federation	29
<i>Tsaliev A. M.</i> On the issues of the formation of regional constitutionalism in Russia (on the example of North Ossetia)	38

HISTORICAL STUDIES

<i>Oglezneva T. N.</i> The role of the programs of the Imperial Russian Geographical Society in organizing the study of the ethnography of the peoples of Northeast Asia	46
<i>Sivtseva S. I., Akimova V. S., Kurchatova T. T.</i> Forced exile to the edge of the earth: special settlers in Yakutia in the 1940	52

YOUNG RESEARCHER'S TRIBUNE

<i>Savostin P. G.</i> The ‘duty’ concept in constitutional law	64
<i>Shadrin V. V.</i> On constitutional foundations of the idea of common welfare in the Russian Federation	71

ANNIVERSARIES

<i>Kim-Kimen A. N.</i> A word about the Yakut Apostle of Law	76
--	----

— ПРАВО —

УДК 343.347.2

Т. Б. Басова, А. Н. Бурдинская

**Уголовно-правовая борьба с распространением
венерических болезней в 1920-е годы становления системы
советской России**

ДВФУ, г. Владивосток, Россия

Аннотация. В статье исследуются важнейшие изменения в законодательстве об уголовной ответственности за распространение венерических болезней, которые произошли в 1920-е годы становления советской России. Особое внимание уделено содержанию правовых норм, представленных в ст. ст. 155, 155-а Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., их новых редакций, а также содержанию норм, обозначенных в ст. 150 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Авторы исследуют постановление «О мерах борьбы с венерическим болезнями», изданное 24 января 1927 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров РСФСР, которым органам здравоохранения, в части предоставления права по принудительному привлечению больных венерическими болезнями к повторному освидетельствованию и лечению. Приводится оценка советскими юристами нормативно урегулированных мер борьбы с венерическими болезнями в начальный период становления советской власти. Авторы пришли к выводу, что в обозначенный период была заложена вполне качественная правотворческая основа в противодействии распространению венерической болезни как опасному преступлению против здоровья. Состояние уголовно-правовых норм от ответственности за заражение венерической болезнью, представленных в ст. 121 действующего УК РФ 1996 г. оставляет желать лучшего, а потому сбрасывать со счетов то, что наработано предшественниками, пусть даже почти век назад, по крайней мере, опрометчиво.

Ключевые слова: венерические болезни, распространение венерических болезней, преступления против здоровья; уголовная ответственность за распространение венерических болезней, УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года, противовенерическая борьба, венерические диспансеры; история ответственности за преступное заражение венерическими заболеваниями.

БАСОВА Татьяна Борисовна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

E-mail: basova.tb@dvfu.ru

BASOVA Tatyana Borisovna – Doctor of Law, Professor, Professor Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

БУРДИНСКАЯ Анна Николаевна – к. ю. н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

E-mail: burdinskaia.an@dvfu.ru

BURDINSKAYA Anna Nikolaevna – Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

T. B. Basova, A. N. Burdinskaya

Criminal fighting with the spread of venereal diseases in the 1920s the formation of the system soviet Russia

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. The article examines the most important changes in the legislation on criminal liability for the spread of sexually transmitted diseases that occurred in the 1920s of the formation of Soviet Russia. Particular attention is paid to the content of the legal norms presented in Art. Art. 155, 155-a of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, their new editions, as well as the content of the norms indicated in Art. 150 of the Criminal Code of the RSFSR of 1926. The authors study the decree “On measures to combat venereal diseases”, issued on January 24, 1927 by the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the RSFSR, which the health authorities, in terms of granting the right to forcibly attract patients with venereal diseases to re-examination and treatment. An assessment by Soviet lawyers of the normatively regulated measures to combat venereal diseases in the initial period of the formation of Soviet power is given. The authors came to the conclusion that during the indicated period, a completely high-quality law-making basis was laid in counteracting the spread of venereal disease as a dangerous crime against health. The state of criminal law from liability for infection with a venereal disease, presented in Art. 121 of the current Criminal Code of the Russian Federation of 1996 leaves much to be desired, and therefore it is reckless to discount what was developed by the predecessors, even if almost a century ago.

Keywords: venereal diseases, spread of venereal diseases, crimes against health; criminal liability for the spread of venereal diseases, the Criminal Code of the RSFSR of 1922, the Criminal Code of the RSFSR of 1926, anti-venereal struggle, venereal dispensaries; history of liability for criminal transmission of venereal diseases.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции заново начало создаваться социалистическое право, которое выстраивалось на принципиальной иной, чем до 1917 г. организационно-правовой основе борьбы с преступностью. Изменение классовой борьбы первых лет Советской власти отодвинули на задний план считавшись «проявлением мелкобуржуазной стихии» преступления против личности. Несмотря на совершенно бесспорную актуальность и очевидность ценность личности как объекта уголовно-правовой охраны, стоит признать, что советское государство в первые годы своего существования явно недооценивало необходимость решения задачи противодействия преступлениям против здоровья граждан. Однако постепенно со становлением системы советской России ситуация начала в корне меняться и власть стала уделять внимание охране здоровья граждан вообще и борьбе с распространением венерических болезней, в частности, используя для этого различные возможности.

В первую очередь отметим, что 11 июля 1918 г. декретом Совнаркома РСФСР [1] был учреждён государственный орган управления здравоохранением – Народный комиссариат здравоохранения РСФСР (далее – Наркомздрав РСФСР), в ведение которого были переведены все медико-санитарные учреждения, ранее принадлежавшие различным ведомствам, учреждениям, организациям и частным лицам, которые стали финансироваться из бюджета государства. Это ведомство стало активно вести борьбу с социальными болезнями, в том числе и с распространением сифилиса, получившего широкое распространение как последствие тяжелой гражданской войны. В целях координации борьбы с этим опасным социальным заболеванием 17 декабря 1921 г. был создан Государственный венерологический институт, а в каждой губернии открыты венерические диспансеры. Первый нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко именовал такие диспансеры штабами, узлами для противовенерической борьбы, «...которые преследуют функции не только лечебные, но и просветительские» [2, с. 121].

Однако намечавшаяся экспансия венерических заболеваний требовала более решительных мер в противодействии опасной социальной заразе. В начале 20-х годов в юридической среде был поднят вопрос о создании уголовного закона, в котором будет уделено внимание созданию специальных норм об ответственности за преследования того или иного общественно опасного деяния. Вопрос о криминализации заражения венерической болезнью, учитывая его злободневность, не был обойден вниманием и обрел законодательное решение. Идея Наркомздрава РСФСР оградить общество от опасности заражения обозначенным заболеванием была реализована в первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., в ст. 155 которого было обозначено: «Заведомое заражение другого лица тяжелой венерической болезнью карается лишением свободы на срок до трёх лет». Поддерживая состоявшееся законодательное решение, известный криминалист А.А Пионтковский заметил: «Интересы охраны личности народного здравия выдвинули признание нашими уголовными кодексами в качестве специального преступления заражение другого лица венерической болезнью. Дела об этих преступлениях доходят до суда далеко не во всех случаях. ... Однако возможность уголовного преследования за такое заражение и случаи фактического осуждения за заражение других лиц венерической болезнью имеют, несомненно, большое воспитательное значение. ... Кроме того, эта уголовно-правовая норма, может создать и непосредственно устрашающее воздействие, удерживая больного венерической болезнью страхом уголовной ответственности от вступления в половые сношения» [3, с. 36].

Вместе с тем, употребление при описании болезни, как признака состава преступления, в диспозиции ст. 155 УК РСФСР 1922 г. законодатель употребил оценочную категорию – «тяжелая», что негативно восприняли специалисты: с медицинской точки зрения недопустимо делить венерические заболевания на тяжелые и легкие. Было обращено внимание и на другие недостатки уголовно-правовой нормы: во-первых, её действие не охватывало обычные случаи неполового заражения; во-вторых, вызывало сомнение указание в законе на заведомость совершаемых действий [см., например: 4, с. 242].

Законодатель прислушался к критическим замечаниям специалистов и 10 июля 1923 г. Постановлением II сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета X созыва диспозиция ст. 155 УК РСФСР получила новую редакцию следующего содержания: «Заражение другого лица венерической болезнью» [5]. Законодатель исключил указание на «заведомость» деяния и обезличил тяжесть болезни, что существенно расширило возможности привлечения виновных к уголовной ответственности не только за умышленное, но и за неосторожное совершение данного преступления.

Применение уголовно-правовой нормы об ответственности за заражение другого лица венерической болезнью в течение трёх лет показало, что этого недостаточно для эффективной борьбы с преступным распространением названного опасного социального заболевания. Поэтому 9 августа 1926 г. Уголовный кодекс РСФСР был дополнен новой ст. 155-а, в которой было обозначено: «155-а Заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью влечет за собой лишение свободы или принудительные работы на срок до шести месяцев» [6]. Толкую признаки данного состава преступления, заместитель Председателя Ленинградского губернского суда Г. Беляков считал, что он наличествует в тех случаях, когда установлено: «...1) что привлекаемое к ответственности лицо в момент приписываемого ему преступления действительно было больно венерической болезнью в заразном для других периоде; 2) что это лицо знало о наличии у себя венерического заболевания и было предупреждено врачами о возможности перенесения болезни на других лиц; 3) что, несмотря на это предупреждение, допустило в отношении других лиц такие действия, благодаря которым эти

лица были поставлены в явную опасность заражения венерической болезнью» [7, с. 6]. Иными словами для признания преступления оконченным не требуется действительного заражения. С субъективной стороны, учитывая признак «заведомости», преступление совершается только с прямым умыслом.

Известный специалист по судебной медицине Я.Л. Лейбниц считал, что предложенная Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР к включению в закон норма с. 155-а УК РСФСР «...имеет огромное санитарно-профилактическое и просветительное значение – предупредительную борьбу с венерическими болезнями» [8, с. 171].

К середине 1920-х годов потребовалась коренная переработка уголовного кодекса в связи с несоответствием многих его норм положениям принятого в 1924 г. законодательного акта – Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Кроме того, возникли и другие основания реформации закона. В частности, «...в интересах точности юридической формулировки пострадала доступность Кодекса 1922 г. для широких трудящихся масс, ибо он был написан языком тяжелым, мало понятным для этих масс. Этот недостаток Народный комиссариат юстиции РСФСР считал необходимым исправить» [9, с. 7]. Итоги четырехлетнего периода действия писаного права были подведены и учтены в новой редакции Уголовного кодекса РСФСР, который был принят 22 ноября 1926 г. и введен в действие с 1 января 1927 г. [10, с. 981].

Учитывая, что уголовно-правовые нормы об ответственности за заражение венерической болезнью, предусмотренные ст. ст. 155, 155-а УК РСФСР 1922 г., были дважды отредактированы незадолго до рождения нового УК РСФСР 1926 г., то кардинально модернизировать их не потребовалось. В новой редакции УК РСФСР 1926 г. обе статьи прежнего закона были переконструированы в одну – ст. 150, состоящую из двух частей следующего содержания:

«150. Заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, – лишение свободы на срок до 3-х лет.

Заведомое появление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью, – лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев» [10, с. 981].

В части первой представленной статьи УК изменения сведены лишь к указанию на то, что виновный в заражении другого лица венерической болезнью должен знать, что страдает таким заболеванием.

Что касается состава преступления, предусмотренного в ч. 2 ст. 150 УК РСФСР 1926 г., то он воспроизведен в абсолютной точности с диспозицией ст. 155-а УК РСФСР 1922 г. и является по справедливому замечанию правоведов «составом создания опасности для здоровья» [см., к примеру: 11, с. 151].

Приняв новый уголовный кодекс, руководство советского государства понимало, что судебное преследование виновников заражения венерической болезнью без применения широких социально-предупредительных мероприятий не может привести к серьезным результатам в деле борьбы с этим опасным социальным заболеванием. Поэтому вслед за принятым в новой редакции уголовным законом, 24 января 1927 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров РСФСР было издано постановление «О мерах борьбы с венерическим болезнями» [12]. Этим нормативным актом органам здравоохранения было предоставлено право по принудительному привлечению больных венерическими болезнями к повторному освидетельствованию и лечению. Лица же, уклоняющиеся, несмотря на требование органов здравоохранения, от освидетельствования или лечения, или самовольно прерывающие начатое лечение, в соответствии с пунктом 5 названного Постановления подлежали уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Нормативно установленные меры

борьбы с венерическими болезнями были поддержаны юристами. В частности, Т.Е. Сегалов, признавая целесообразным привлекать лиц, уклоняющихся от освидетельствования или лечения, к уголовной ответственности по ст. 150 УК РСФСР ред. 1926 г. подчеркивал: «Социально опасное поведение лица, страдающего венерической болезнью и уклоняющегося от принудительного лечения до минования периода заразительности, равнозначно заведомому поставлению других лиц в опасность заражения венерической болезнью» [13, с. 183], то есть содержит в себе признаки соответствующего состава.

Таким образом, изучение исторического опыта уголовно-правовой борьбы с распространением венерических болезней в 1920-е годы, показывает, что в период, когда шло становление советской России, была заложена вполне качественная правотворческая основа в противодействии распространению венерической болезни как опасному преступлению против здоровья. Состояние уголовно-правовых норм от ответственности за заражение венерической болезнью, представленным в ст. 121 действующего УК РФ 1996 г. оставляет желать лучшего, а потому сбрасывать со счетов то, что наработано предшественниками, пусть даже почти век назад, по крайней мере, опрометчиво.

Литература

1. Декрет Совнаркома РСФСР от 11 июля 1918 г. // Известия. 1918. № 173. 14 августа.
2. Доклад о деятельности Народного комиссариата здравоохранения РСФСР на Третьей сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва (29 октября – 3 ноября 1923 г.). Стенографический отчет / РСФСР. М.: Издание ВЦИК, 1924. 192 с.
3. Пионтковский А.А. Преступления против личности. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 136.
4. Доклад заместителя наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко на II сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва: [Стенографический отчет]. Бюллетень № 7 / РСФСР. М.: Издание ВЦИК, 1923. С. 203-261.
5. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. I отдел. № 48. 25 июля 1923 г. Ст. 479 «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР».
6. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. I отдел. № 51. 29 августа 1926 г. Ст. 392 «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР статьей 155-а».
7. Беляков Г. О ст. 155-а УК // Рабочий суд. 1926. № 24. Декабрь.
8. Лейбович Я.Л. Статьи Уголовного Кодекса 1926 г., касающиеся судебно-медицинской экспертизы // Проблемы преступности: Сборник / Под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. М: Издательство НКВД РСФСР, 1928. Выпуск 3. С.164-172.
9. Проект Уголовного кодекса РСФСР с объяснительной к нему запиской. М., 1925. 126 с.
10. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. I отдел. № 80. 6 декабря 1926 г. Ст. 600 «Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года». С.945-994.
11. Френкель Е.П. Преступления против личности в Уголовном Кодексе РСФСР 1926 года // Проблемы преступности: Сборник / Под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. М: Издательство НКВД РСФСР, 1928. Выпуск 3. С. 141-153.
12. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. I отдел. № 13. 23 февраля 1927 г. Ст. 90 «О мерах борьбы с венерическими болезнями».
13. Сегалов Т.Е. Меры социальной защиты медицинского характера по УК 1926 г. // Проблемы преступности: Сборник / Под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. М: Издательство НКВД РСФСР, 1928. Выпуск 3. С. 173-188.

References

1. Dekret Sovnarkoma RSFSR ot 11 iyulya 1918 g. // Izvestiya. 1918. № 173. 14 avgusta.
2. Doklad o deyatel'nosti Narodnogo komissariata zdravoohraneniya RSFSR na Tret'ej sessii Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta X sozyva (29 oktyabrya – 3 noyabrya 1923 g.). Stenograficheskij otchet / RSFSR. M.: Izdanie VCIK, 1924. 192 s.

3. Piontkovskij A.A. Prestupleniya protiv lichnosti. M.: YUridicheskoe izdatel'stvo NKYU SSSR, 1938. 136.
4. Doklad zamestitelya narkoma yusticij RSFSR N.V. Krylenko na II sessii Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta X sozyva: [Stenograficheskij otchet]. Byulleten' № 7 / RSFSR. M.: Izdanie VCIK, 1923. S. 203-261.
5. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva. I otdel. № 48. 25 iyulya 1923 g. St. 479 «Ob izmeneniyah i dopolneniyah Ugolovnogo kodeksa RSFSR».
6. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva. I otdel. № 51. 29 avgusta 1926 g. St. 392 «O dopolnenii Ugolovnogo kodeksa RSFSR stat'ej 155-a».
7. Belyakov G. O st. 155-a UK // Rabochij sud. 1926. № 24. Dekabr'.
8. Lejbovich YA.L. Stat'i Ugolovnogo Kodeksa 1926 g., kasayushchiesya sudebno-medicinskoj ekspertizy // Problemy prestupnosti: Sbornik / Pod red. E. SHirvindta, F. Traskovicha, M. Gerneta. M: Izdatel'stvo NKVD RSFSR, 1928. Vypusk 3. S.164-172.
9. Proekt Ugolovnogo kodeksa RSFSR s ob'yasnitel'noj k nemu zapiskoj. M., 1925. 126 s.
10. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva. I otdel. № 80. 6 dekabrya 1926 g. St. 600 «Ugolovnyj kodeks RSFSR redakcii 1926 goda». S.945-994.
11. Frenkel' E.P. Prestupleniya protiv lichnosti v Ugolovnom Kodekse RSFSR 1926 goda // Problemy prestupnosti: Sbornik / Pod red. E. SHirvindta, F. Traskovicha, M. Gerneta. M: Izdatel'stvo NKVD RSFSR, 1928. Vypusk 3. S. 141-153.
12. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva. I otdel. № 13. 23 fevralya 1927 g. St. 90 «O merah bor'by s venericheskimi boleznyami».
13. Segalov T.E. Mery social'noj zashchity medicinskogo haraktera po UK 1926 g. // Problemy prestupnosti: Sbornik / Pod red. E. SHirvindta, F. Traskovicha, M. Gerneta. M: Izdatel'stvo NKVD RSFSR, 1928. Vypusk 3. S. S.173-188.

К. А. Данилова, А. А. Павлова

Вооруженность как критерий бандитизма в Российской Федерации

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации бандитизма, в частности по признаку вооружённости организованной группы, количеству совершенных или планируемых преступлений. Судебная практика по квалификации организованных преступлений является спорной в части определения наличия или отсутствия критерия вооружённости, как следствие, признания деяния бандитизмом. В то же время Постановление пленума Верховного суда РФ хоть и содержит отсылку к Федеральному закону «Об оружии», но при этом всё же недостаточно раскрывает данный критерий и содержит определения неоднозначные для понимания. В связи с этим различны и судебные решения по аналогичным делам, что в свою очередь противоречит принципу справедливости. Предлагается внести изменения в абзац 1 пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» для разрешения исследуемой проблемы.

Ключевые слова: бандитизм, вооружённость, признаки бандитизма, преступность, реформирование, уголовное право, судебная практика, оружие, организованная преступность, борьба с преступностью, квалификация бандитизма.

K. A. Danilova, A. A. Pavlova

Armament as a criterion of Banditry in the Russian Federation

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article deals with the problems of qualifying banditry, in particular, on the basis of the armament of an organized group, the number of committed or planned crimes. Judicial practice on the qualification of organized crimes is controversial in terms of determining the presence or absence of the criterion of armament, as a result, recognizing an act as banditry. At the same time, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, although it contains a reference to the Federal Law “On Weapons”, still does not sufficiently reveal this criterion and contains definitions that are ambiguous for understanding. In this regard, court decisions in similar cases are also different, which in turn contradicts the principle of justice. It is proposed to make changes to amend paragraph 1 of clause 5 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 1997 No. 1 “On the practice of applying by courts of legislation on liability for banditry” to resolve the problem under discussion.

Keywords: banditry, armament, signs of banditry, crime, reformation, criminal law, judicial practice, weapons, organized crime, fight against crime, qualification of banditry.

ДАНИЛОВА Ксения Анатольевна – магистрант, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: ks-german96@mail.ru

DANILOVA Ksenya Anatolyevna – Master's student, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Научный руководитель:

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна – к. ю. н., доцент кафедры уголовного права и процесса, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

PAVLOVA Arzulana Akramovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Определение бандитизма в отечественном уголовном законодательстве ограничено ст. 209 УК РФ и содержит несколько обязательных критериев, наличие которых позволяет отнести группу лиц к банде. Среди критериев выделяют два обязательных: устойчивость и вооруженность.

Вооруженность находится на стыке уголовного права и криминалистики, вызывает множество споров среди правоведов, ведь именно наличие и готовность применить оружие повышает уровень общественной опасности по сравнению с иными формами организованной преступной деятельности.

Следовательно, для того чтобы действия, совершенные группой лиц, квалифицировались по статье 209 УК РФ «Бандитизм», хотя бы один из членов банды должен быть вооружен, а остальные члены банды обязательно должны быть об этом осведомлены и должны иметь возможность его применить.

Спорным и неоднозначным является определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 10.11.2019 г., которое отменило приговор Московского городского суда в отношении граждан Г. и Ю., осуждённых по ч. 3 ст. 222, ч. 4 ст. 222 и по п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Прокурор обратился к суду с протестом о квалификации совершенного деяния по более тяжкой статье – «Бандитизм», в чем они наряду с разбоем обвинялись на предварительном следствии. В приговоре Верховного Суда РФ было установлено наличие и возможность применения осужденными при нападениях электрошокера, револьвера и ножа, но, сторона защиты на судебном разбирательстве ссыпалась на то, что количество данного оружия не было достаточным для такого количества человек в группе, следовательно, и признак вооруженности не может присутствовать. Суд принял решение исключить бандитизм из обвинительной части. Но законодательство не содержит нормы, согласно которой каждый из членов банды должен обладать оружием, обязательным является лишь наличие соответствующего оружия, информированность других членов группы и возможность его применения.

Таким образом, подобное решение суда не может быть обоснованным, так как решение не содержит трактовки понятия «недостаточность оружия на данное количество членов организованной группы» и законодательного подкрепления.

В пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» высший судебный орган страны указал на то, что под вооруженностью необходимо понимать «наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия». В указанном постановлении также содержится ссылка на федеральный закон «Об оружии», к которому необходимо обратиться в случаях признания или непризнания оружием того или иного предмета, используемого бандой или иной группой лиц.

Действительно, закон «Об оружии» об отнесении того или иного предмета к оружию содержит необходимую информацию. Так, электрошокер относится к оружию самообороны, хотя существует судебная практика, противоречащая данной информации, объясняемая отсутствием возможного нанесения среднего и тяжкого вреда здоровью человека. Необходимо уточнить, что электрошокер может нанести непоправимый урон здоровью, даже привести к летальному исходу в случае, если использовано против человека, например, с сердечной недостаточностью или против несовершеннолетнего.

А.В. Канавалов приводит подобные примеры неоднозначной судебной практики и говорит о возможности решения изданием легального толкования критериев бандитизма, в том числе и вооруженности [1, с. 4].

Учитывая наличие подобной судебной практики, возникает вопрос о том как же всё-таки раскрывается понятие вооружённости и оружия?

Рекомендация Пленума Верховного Суда РФ о том, что при установлении признака вооружённости банды следует руководствоваться положениями Закона об оружии, совсем не значит, что суды должны ограничиваться только теми видами оружия, которые указаны в данном Законе либо оборот которых запрещен или требует специального разрешения. Во-первых, для применения ст. 209 УК РФ не имеет правового значения законность или незаконность обладания соответствующими предметами. Во-вторых, следует учитывать предназначение Закона об оружии, целью которого является регламентация административно – правового режима оружия, и, прежде всего, лицензионно-разрешительной системы органов внутренних дел, но совсем не определение видов оружия, могущих выступать в качестве предметов и средств совершения преступлений по УК РФ.

При рассмотрение судебной практики по ст. 209 УК РФ можно прийти к выводу о том, что суды действительно при принятии решений обращаются к ФЗ «Об оружии», также используют понятийный аппарат, представленный в законе для обоснования решений. При этом достаточно часто назначается экспертиза для решения вопроса об отнесении того или иного предмета к оружию и фактической возможности его применения по прямому назначению, то есть для поражения цели.

Данный вопрос имеет особое значение при квалификации бандитизма, так как, если экспертиза примет решение о непригодности использования предмета как оружия, признак вооружённости будет отсутствовать, следовательно, применение статьи о бандитизме будет невозможно. В связи с этим часто встречается утверждение со стороны обвиняемого о непригодности оружия для поражения живой цели. В таком случае, как правило, суд назначает экспертизу, которая и повлияет на возможность оправдать подсудимого по данной статье или говорить о наличии признака вооружённости.

Так, Верховный суд Республики Саха (Якутия) подробно исследовал вопрос о пригодности к стрельбе автомата, находившегося на вооружении А., который утверждал, что автомат неисправен. По решению суда лицо осудили по статье 209 УК РФ «Бандитизм», указав об отсутствии доказательств о неисправности автомата «АК-47», так как судебная экспертиза опровергла данный факт [2].

Интересно мнение В. С. Комиссарова относительно различия понятий применения и использования оружия. Автор утверждает, что применение – это всегда использование по изначальному целевому назначению. Так, если преступник выстрелил из пистолета, но при этом не попал в человека, в которого изначально целился, это всё равно является применением оружия. Но если рассуждать о разнице слов «применение» и «использование», обратиться к толковым словарям русского языка, то различия мы не увидим, в отличие от словосочетаний «применение оружия» и «использование оружия» в контексте бандитского нападения.

При этом отметим, что в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г. указано, что «нападение вооруженной банды считается состоявшимся и в тех случаях, когда имевшееся у членов банды оружие не применялось» [3].

Решение проблемы о столь различном понимании вооружённости, неоднозначности судебной практики было бы возможным при указании в абзаце 1 пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» следующее: «Обязательным признаком банды, предусмотренным ст. 209 УК РФ, является ее вооруженность, предполагающая наличие у участников банды огнестрельного оружия (включая огнестрельное оружие ограниченного поражения), холодного, метательного оружия, как заводского изготовления, так и само-

дельного, различных взрывных устройств, газового и пневматического оружия, а также электрошоковых устройств и искровых разрядников».

Литература

1. Канавалов А. В. Оружие в преступной деятельности // Уголовное законодательство РФ: опыт, анализ, практика. 2019. № 158. С. 4.
2. Приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) № 2-18/05 // sudact.ru [электронный ресурс] – Электр. дан. – Заглавие с экрана. URL:<http://sudact.ru> (дата обращения 23.11.2019).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Консультант плюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / ЗАО «Консультант Плюс».

References

1. Kanavalov A. V. Oruzhie v prestupnoj deyatel'nosti // Ugolovnoe zakonodatel'stvo RF: opyt, analiz, praktika. 2019. № 158. S. 4.
2. Prigovor Verhovnogo Suda Respubliki Saha (YAkutiya) № 2-18/05 // sudast.ru [elektronnyj resurs] – Elektr. dan. – Zaglavie s ekrana. URL:<http://sudast.ru> (data obrashcheniya 23.11.2019).
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17 yanvarya 1997 g. «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za banditizm» // Konsul'tant plyus [Elektronnyj resurs]: spravochno-pravovaya sistema / ZAO «Konsul'tant Plyus».

А. Э. Маякунов

К вопросу о предметно-объектной специфике социологии права

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается дискуссионная проблема о предметно-объектной специфике социологии права. Дается анализ двух полярных мнений ученых (социологов и правоведов) о научном статусе социологии права в российской исторической ретроспективе. Выявляются причины невысокого уровня доверия к предметно-объектной природе данной науки среди двух «условных» лагерей исследователей в истории ее становления и эволюции. Отмечается важность конструирования кросс-научной, междисциплинарной предметности сравнительно новой юридической дисциплины в отечественной науке. Подчеркивается роль и значение междисциплинарного синтеза социологического-правовых исследований.

Ключевые слова: научный статус, предмет и методология социологии права, теоретико-научная и практическая функции юридической социологии, расхождения в определении научного статуса социологии права среди ученых-юристов и других гуманитариев-исследователей, междисциплинарный синтез в социологического-правовых исследованиях.

A. E. Mayakunov

To the question of subject-object specifics of the sociology of law

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article deals with the debatable problem of the subject-object specificity of the sociology of law. We give an analysis of two polar opinions of scientists (sociologists and legal scholars) on the scientific status of sociology of law in the Russian historical retrospective. We also reveal the reasons for the low levels of trust in the subject-object nature of this science among two conditional camps of researchers in the history of its formation and evolution. We note the importance of constructing cross-scientific, interdisciplinary objectivity of a relatively new legal discipline in Russian science. Lastly, we emphasise the role and significance of the interdisciplinary synthesis of sociological and legal research.

Keywords: scientific status, subject and methodology of the sociology of law, theoretical, scientific and practical functions of legal sociology, discrepancies in determining the scientific status of sociology of law among legal scholars and other humanitarians-researchers, interdisciplinary synthesis in sociological and legal research

В научной системе знания есть четкое различение объекта и предмета любой научной дисциплины или отрасли науки.

Объект научного исследования – это часть, фрагмент, сегмент объективной реальности, которые выступают целью научного изучения.

МАЯКУНОВ Александр Эдисонович – к. филос. н., зав. кафедрой теории, истории государства и права, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: alexmoy@mail.ru

MAYAKUNOV Alexander Edisonovich – Candidate of Philosophy, Head of the Department of theory and history of state and law, Associate Professor, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Предмет научного исследования – это совокупность категорий и понятий, с помощью которых описывается объект изучения.

Поэтому объект исследования у разных наук может быть общим, но предмет исследования всегда различный и специфичный, имманентно присущий только данной науке. Например, многие социальные науки изучают государственно-правовые явления и процессы, такие как, политология. Социология, социальная философия, социальная антропология и теория государства и права. Но предмет каждая из них имеет свой собственный, только ей присущий. Хотя в более широком философско-научном контексте, конечно, можно найти различия и в объекте исследования между ними. Философия права позиционирует своим объектом изучения право в рамках онтологических, гносеологических и аксиологических представлениях о мире в целом, социология права – право в системе общества, политология – посредством приоритета политической подсистемы над юридической надстройкой общества.

Именно такое различие даже объекта этих наук: философии права, социологии права и общей теории права обуславливает специфику их предметного содержания.

Философия права заявляет претензию на изучение всеобщности, онтологичности государственно-правового бытия, и, прежде всего, идеи права, как концепции нормативности, существования подлинно человеческого бытия, которое может быть реализовано только в форме институционализированного бытия свободы *Homo sapiens*.

Общая теория права представляет свой предмет изучения как научно-теоретизированное и позитивное знание о праве. Здесь фундаментальное отличие коренится в том, что философия в целом стремится ответить на все вопросы человека («Познание начинается с возникновения любопытства» Аристотель), не ограничиваясь границами научных фактов.

В то время как современные, позитивные науки никогда в своих ответах человеку не выходят за пределы установленных, эмпирически доказанных научных фактов. Уместно вспомнить притчу о змее и орле. Позитивные науки, в том числе, и общая теория права, ползая по земле, никогда не отрываются от твёрдой почвы научных фактов, но летать не могут и возвышенные, подлинно концептуальные идеи недоступны им. Философия, в том числе и философия права, стремясь дать ответы на все вопросы человека, часто отрывается от тверди земли, от научных фактов, и тогда философы превращаются во что угодно (потов, теологов, носителей красивых, но бесполезных мифов, художников и т. п.), но только не в ученых.

Социология права также стремится быть причисленной к позитивным наукам, и желает ничего общего не иметь с философией, хотя зародилась в ее лоне. Социология права поэтому исследует не социальные законы, а социальные закономерности, то есть более-менее устойчивые взаимосвязи между явлениями, корреляционные взаимосвязи между двумя и более рядами переменных. Она, претендую на звание науки эмпирической, снимает вопросы «почему» и «зачем», оставляя только вопрос релевантный научному позитивному познанию – «как», «каким образом можно научно описать изучаемый объект».

Общая теория права имеет важное методологическое значение для всех юридических наук как общеметодологическая, фундаментальная, позитивная научная дисциплина. А вот, философию права, некоторые авторы превозносят как науку, которая призвана разрабатывать самые общие концепции о сущности права и изучать самые общие законы государственно-правового бытия общества. Но мы должны помнить заповедь позитивистов: общих законов не существует, истина всегда конкретна, и философствование суть пустая трата времени и сил, только эмпирическое знание обладает правом на научность. Другими словами, претензия на более широкие выводы и обобщения философии права всего лишь химера, ничего общего не имеющая с научным познанием.

В наше время философия права имеет научно-познавательную значимость только в своей аксиологической функции и своем ценностном подходе к праву.

Так, Д. А. Керимов считает, что «философия права – это гносеология права, а социология права – это онтология права [цит.: 3, с. 71]. Нельзя с этим согласиться.

Во-первых, деление философии права на гносеологию, онтологию и аксиологию является весьма условным, абстрактным, и в ней органически переплетены все эти аспекты, дифференцировать которые затруднительно. Еще римские юристы утверждали, что сущностью права является «искусство добра и справедливости», без которого право превращается из юриспруденции в законоведение, в механический набор методических приемов и средств юридической техники составления нормативно-правовых актов, игнорирующий базовые, идеологические, смысложизненные вопросы бытия права.

Во-вторых, социология права, будучи наукой позитивной, эмпирической, никак не касается онтологических вопросов бытия идеи права, напротив, всячески чуждается всякого философствования, боясь быть обвиненной в ненаучности, философичности. Для нее важно исследовать действительность, правовую реальность, а не спекулятивную, основанную на долженствовании метафизическую сущность права.

Гораздо затруднительнее разграничить общую теорию права и социологию права. Так как обе они являются позитивными научными дисциплинами, ценящими высоко эмпиричность в научном исследовании и принцип верифицируемости.

Критерием разграничения, скорее всего, выступает вопрос о методах. Общая теория права основывается на догматическом методе познания юридических явлений, процессов и интеллектуальных конструкций.

Социология права, напротив, использует с самого начала своего рождения эмпирические методы: социологический опрос, социальное экспериментирование, эмпирическое наблюдение, анализ документов и др.

Кстати, только в нашей стране существует такое странное название научной дисциплины: теория государства и права. Это название было приобретено юридической теорией в 30-е годы прошлого столетия на всесоюзном совещании ученых-общественников при ЦК ВКП(б) о задачах общественных наук [6, с. 21]. Такое чудное название общая часть генеральной юриспруденции получила потому, что в СССР была только одна научная теория – марксизм-ленинизм. Поэтому юристы должны заниматься только узким, сугубо профессиональным кругом теоретических вопросов, общие обобщения ни к чему, раз есть единственное верное научное учение.

Поэтому уважаемый мэтр теоретической юриспруденции С. С. Алексеев включает в общую теорию права в качестве подсистем философию права, социологию права и специально-юридическую теорию права [1, с. 208].

Также односторонними выглядят попытки некоторых западных ученых, например, польского исследователя Анджея Подгурецкого определить социологию права как некий «раздел компративистского правоведения» [9, с. 10].

Да, юристы, в целом, и социологи права, в частности, изучают право в рамках своих национальных систем права, так как правовые системы мира характеризуются особой индивидуальной уникальностью. Недаром, часто отечественные ученые-правоведы не могут опубликовать свои труды в изданиях, индексируемых Web of Sciences, Scopus и других базах научного цитирования, из-за того, что данные исследования не представляют особого академического интереса для зарубежных авторов. Даже дипломированные российские юристы не могут работать за рубежом по специальности, так как их дипломы о высшем образовании не признаются, за исключением, в качестве приглашенных преподавателей-исследователей.

Социология права, будучи междисциплинарной наукой, использует в одинаковой мере потенциал методологии и методов социологии, философии права и общей теории права, но главная ее ценность в собственных прикладных методах и теоретических конструкциях, которые интерпретируют правовые явления и процессы в контексте более общего порядка закономерностей нежели, чем чисто юридические дисциплины.

И, как мы рассмотрели здесь, более правомерным является положение, что «по своему предметному содержанию социология права тяготеет прежде всего к сфере юриспруденции» [1, с. 25].

Таким образом, философия права, общая теория права и юридическая социология, играют свою научно-познавательную роль в разных областях познания права, имея свою предметную специфику и свои собственные методы.

Социология права имеет свою структуру, как и все науки об обществе, которая подразделяется на структурные единицы в зависимости от следующих критериев:

1) в зависимости от уровня социологического-правового исследования делится на макро-социологического-правовые исследования, микро-социологического-правовые исследования. Здесь первые ориентированы на изучение крупномасштабных социальных систем (общества, классы, цивилизации, культуры и т.д.), а последние – на институты и на социальное поведение индивидов на уровне межличностных взаимодействий (социализация, малые группы, социальное поведение индивида и т.д.). Как и парадигмы социологических штудий, эти два уровня представляются взаимоисключающими друг друга. Исследователи, которые специализируются на макро-социологического-правовых исследованиях, не могут в принципе признавать предметно-объектную специфику микро-социологического-правовых исследований.

Научные выводы, основанные на результатах, полученных в ходе эмпирических исследований на уровне малых групп, невозможно экстраполировать на большие социальные группы, законы функционирования которых не идентичны первым. К тому же предметом социологии они считают крупномасштабные социальные общности, а исследования межличностных коммуникаций в нуклеарных группах – это в компетенции социальной психологии, а не социологии. Исследователи микро-социологического-правовых исследований, в свою очередь, обвиняют макросоциологов в отходе от фундаментальных требований верификации и эмпиричности научных фактов и падению в пропасть социальной философии, не имеющей ничего общего с научным позитивным познанием.

2) в зависимости от объекта исследования различают: социологию организаций (институциональную), социологию социальных изменений (социодинамика) и социологию личности. Первые исследователи, основываясь на позициях системного анализа, держат на базе всемогущества системного подхода научно описать любой социальный объект, как определенную систему со своими структурно-функциональными связями. В этом они преуспели. Недаром структурный функционализм Талкотта Парсонса и Никласа Лумана признан единственным верным социологическим учением, интерпретирующем социальный порядок на основе общей теории систем западным научным сообществом [15, р. 81].

Авторы, исследующие темы социологии права на основе социокультурной динамики, описывают государственно-правовые явления с точки зрения теории социальных изменений и теории конфликта.

Третья группа ученых рассчитывает на то, что по капле воды возможно объяснить существование океана, и на основе целевой парадигмы разработают основные закономерности и характеристики социального поведения *Homo jurista*.

3) исходя из критерия целевой природы юридико-социологического дискурса, в современной науке выделяют: теоретико-фундаменталистские и эмпирико-прикладные изыскания.

На основе анализа вышеизложенных подходов можно сделать умозаключение, что более основательным и релевантным паттерном структурирования юридической социологии выступают параметры её интегрированности в систему юридических наук. К примеру, криминологическая социология, социология семейного насилия, социология прикладного законодательства и т. д.

Ряд исследователей (Ж. Гурвич, К. Ллевелин, И. Сабо), различают в юридической социологии, подчеркивая императивно-атрибутивную значимость нормативно-правового акта в правовой системе общества, законодательную социологию. Так, И. Сабо пишет: «Социология права подразделяется на: предзаконодательную, связанную с социологическим исследованием процесса подготовки законопроекта; собственно, законодательную, занимающуюся социологическим исследованием самого процесса принятия закона законодателем; и постзаконодательную, изучающую социальные последствия принятия закона, его роль и социальную эффективность действия» [6, с. 22; 7, с. 207-208].

Вместе с тем, можно констатировать наличие так называемого междисциплинарного полиморфизма в прикладных, социологических исследованиях, когда разные гуманистические научные дисциплины органично вплетаются в научно-исследовательский процесс изучения определенного общественного феномена, в том числе и социология права. В этом случае юридическая социология присутствует имманентно в других отраслях общесоциологического знания. Здесь системная взаимосвязь между разными научными дисциплинами в контексте динамических когнитивных коммуникаций требует, безусловно, кооперации усилий исследователей. Во многих общественных явлениях и процессах всегда существует значительная правовая составляющая, требующая соответствующего изучения. Так, социология права, социология преступности, социология управления, социология личности – суть разные ответвления социологической науки. Но современные исследования в изучении, например, криминального мира должны охватывать все аспекты данной подсистемы общества. Ведь лишь немногие социальные феномены зависят от одной причинно-следственной зависимости, как правило, общественные явления зависят от многих факторов, определяющих события и тенденции, и которые взаимосвязаны между собой, образуя системную связь. Данная многоаспектность требует от исследователей создание системной модели криминальных явлений, где необходимо рассмотреть все стороны причинных отношений: роль и значение законодательства в противостоянии общества с криминальитетом, правовые основы социального управления в этой области, правовой статус личности в этой борьбе, когнитивные стили восприятия индивидами и социальными группами преступности, и многие другие аспекты. Поэтому требуется координированные коммуникации специалистов разных дисциплин: социологии преступности, социологии управления, социологии личности, социология делинквентного поведения, криминологии [8, с. 58-59].

Но при этом, следует целью исследования поставить не целостные объекты, как-то: преступность, социальное и государственное управление, правовое положение личности. А лишь юридические составляющие феноменов и тенденций криминального мира. В этом плане, нельзя признать правильным отождествление криминологии и социологии права, как это предлагает отечественный исследователь В. В. Варчук [11, с. 38]. Ведь, с одной стороны, социология права далеко не сводится к социологии уголовного права; а с другой, криминология включает в себя не только социологическое, но и правоведческое, психологическое, антропологическое и другое знание о преступнике и преступности.

В отличие от отечественных ученых-социологов, западные исследователи довольно активно изучают проблемы социологии права, так как принцип мультидисциплинарности является на Западе основополагающим не только в сфере образования, но и в области на-

учных исследований [15, р. 8-11]. Особо следует выделить из этих первопроходцев французского ученого Жана Карбонье («Юридическая социология») [4], который в принципе и поставил вопрос о предмете социологии права основательнее и тщательнее, чем другие исследователи. Классики теоретической социологии лишь вскользь касались предметной специфики юридической социологии, ограничиваясь обозначением контуров ее предмета изучения.

К сожалению, в нашей обществоведческой науке на социологию права обращают весьма скромное внимание. В России значительное число юристов-ученых изучают проблемы правовой реальности, действия права в реальной, повседневной жизни, тогда как практически единицы из армии социологов исследуют эти проблемы.

Социологам необходимо сподвигнуться на проведение систематических и масштабных исследований неформальных, «теневых отношений», которые буквально переплетают, как щупальца спрута, юридические коммуникации в деятельности судебных и правоохранительных органов в нашей стране.

Даже обыденные наблюдения за деятельностью судебных и правоохранительных органов ярко демонстрируют, что в них часто принимаются люди по знакомству, по протекции, по клановой и корпоративной принадлежности. Глубинные тенденции этих латентных явлений, их теневая сторона пока изучены отечественными исследователями явно недостаточно.

Социология права призвана изучать фактические, неформальные права человека, в отличие от его формальных, юридических прав. Исследования обнаруживают, что в общественных структурах функционируют и взаимодействуют формальное организационное пространство юридических прав и внеформальное организационное пространство фактических прав.

Внеформальное организационное пространство порождается самой формальной структурой организационной среды, во взаимодействиях управляющих и управляемых, как результат нарушения функций социального организма. Система самостоятельно вырабатывает собственные механизмы самоорганизации для преодоления состояний дисфункциональности. Юридические формальные предписания заканчивают свое действие там, где начинается функциональная активность личности, которая не может быть полностью формализована. Неформальное поведение и обладание фактическими правами может привести к социальной дезорганизации, к испорченности и противостоянию авторитета юридических прав.

Поэтому перед социологией права стоят актуальные, острые проблемы. Она призвана преодолеть односторонность нормативистского мировоззрения юристов, сделать прозрачными произвольные действия руководителей юридических служб, выработать механизм преодоления негативного результата функционирования в неформальной организационной среды, в которой протекают юридические процессы.

Литература

1. Алексеев С.С. Философия права: История и современность, Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1997. – 329 с.
2. Боботов В.М. Буржуазная социология права. М.: Юридическая литература, 1978. – 224 с.
3. Жуков В.Н. Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XX в.: теоретико-методологический аспект: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.ю.н. – М.: Изд-во МГУ, 2015. – 28 с.
4. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. – 352 с.
5. Кульчар К. Основы социологии права. Перевод с венг. – М.: Прогресс, 1981. – 256 с.
6. Лапаева В.В. Социология права: в поисках своей парадигмы // Государство и право, 1992, № 7, С. 20 – 28.

7. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. – М.: , 1987. 298 с.
8. Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. – Л., Наука, 1986. 308 с.
9. Масловская Е.В., Масловский М.В. Социология права как отрасль социологии: концепции зарубежных исследователей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки. 2012 № 1(25). С.79-83.
10. Подгурецкий А. Очерк социологии права. – М.: Наука, 1970. – 387 с.
11. Сырых В.М. Социология права. – М.: Наука, 2012. – 472 с.
12. Социология права: учебник/ В.М. Сырых, В.Н. Зенков, В.В. Глазырин идр.; под ред. проф. В.М. Сырых; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – 3 изд. – М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2004. – 464 с.
13. Сабо И. Основы теории права. – М.: ВузИздат, 1977. – 255 с.
14. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2011. – 672 с.
15. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA; L., England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990. – 670 p.

References

1. Alekseev S.S. Filosofija prava: Istorija i sovremennoст', Problemy. Tendencii. Perspektivy. M.: Norma, 1997. – 329 s.
2. Bobotov V.M. Burzhuaznaja sociologija prava. M.: Juridicheskaja literatura, 1978. – 224 s.
3. Zhukov V.N. Sociologija prava v Rossii: vtoraja polovina XIX – pervaja tret' XX v.: teoretiko-metodologicheskij aspekt: avtoref. diss. na soisk. uch. st. d.ju.n. – M.: Izd-vo MGU, 2015. – 28 s.
4. Karbon'e Zh. Juridicheskaja sociologija. M.: Progress, 1986. – 352 s.
5. Kul'char K. Osnovy sociologii prava. Perevod s veng. – M.: Progress, 1981. – 256 s.
6. Lapaeva V.V. Sociologija prava: v poiskah svoej paradigmы// Gosudarstvo i pravo, 1992, № 7, S. 20 –28.
7. Lapaeva V.V. Konkretno-sociologicheskie issledovaniya v prave. – M.: , 1987. 298 s.
8. Levanskij V.A. Modelirovaniye v social'no-pravovyh issledovanijah. – L., Nauka, 1986. 308 s.
9. Maslovskaja E.V., Maslovskij M.V. Sociologija prava kak otrasl' sociologii: koncepcii zarubezhnyh issledovatelej // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija social'nye nauki. 2012 № 1(25). S.79-83.
10. Podgureckij A. Ocherk sociologii prava. – M.: Nauka, 1970. – 387 s.
11. Syryh V.M. Sociologija prava. – M.: Nauka, 2012. – 472 s.
12. Sociologija prava: uchebnik/ V.M. Syryh, V.N. Zenkov, V.V. Glazyrin idr.; pod red. prof. V.M. Syryh; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve RF. – 3 izd. – M.: Juridicheskij dom «Justicinform», 2004. – 464 s.
13. Sabo I. Osnovy teorii prava. – M.: VuzIzdat, 1977. – 255 s.
14. Jel'ster Ju. Ob#jasnenie social'nogo povedenija: eshhe raz ob osnovah social'nyh nauk. – M.: Izd. Dom GU VShJe, 2011. – 672 s.
15. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA; L., England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1990. – 670 p.

Д. Н. Миронов

Республики в составе России в постреформенном правовом пространстве

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье проанализированы основные подходы к понятию правового пространства в современной юридической науке. При этом выделен процесс укрепления единого правового пространства России. В связи с Поправками-2020 изложены направления развития правового пространства республик в составе Российской Федерации.

Ключевые слова: единое правовое пространство, правовое пространство субъектов РФ, республики в составе РФ.

D. N. Mironov

Republics with in Russian Federation in the post-reform legal space

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article analyzes the main approaches to the concept of legal space in modern legal science. At the same time, the process of strengthening the unified legal space of Russia is highlighted. In connection with the 2020 Amendments, the directions for the development of the legal space of the republics within the Russian Federation are outlined.

Keywords: unified legal space, legal space of the subjects of the Russian Federation, republics within the Russian Federation.

Правовое пространство исследуется наукой, а как понятие оно вошло в состав нормативных актов. Для примера можно привести Указы Президента Российской Федерации от 10 августа 2000 г. «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» и от 16 января 2017 г. «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Конституционная реформа, предпринятая в России в 2020 г., будет способствовать трансформации российского права, и коснется вопросов правового пространства [1, с. 76] В статье рассмотрены некоторые вопросы правового пространства республик в составе России как части регионального правового пространства и единого правового пространства Российской Федерации.

1. Как пишет Жан-Луи Бержель, «юридический феномен развивается в пространстве» [2, с. 234]. Действительно, в сфере юридической жизни реальность пространства связывается с границами какого-либо правового действия, процесса, нормы, состояния. Любое правовое явление имеет определенную территориальную прописку. Это касается бытия

МИРОНОВ Дмитрий Николаевич – д. ю. н., заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: chairman_ks@mail.ru

MIRONOV Dmitry Nikolayevich – Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

и функционирования различных юридических систем, национального права и т.д. Правильно считать, единство правовому пространству придает нормативно урегулированная государством территория [3, с. 10].

Единство правового пространства, связанное с государственным суверенитетом, выражает реальность принципа территориальной целостности государства. Как считают специалисты, единое правовое пространство – это общность, солидарность, неделимость, целостность, неразрывность. И потому локализация, присущая природе правового пространства, не может и не должна быть ущербной его единству. Интерес представляет локализация пространства в федеративном государстве.

Авторы, исследовавшие правовое пространство признают необходимость выделения правового пространства субъектов Российской Федерации. Профессор И.И. Барциц, говоря о едином правовом пространстве, выделяет его непрерывность, однородность и целостность. Он считает, что правовое пространство как универсальная категория имеет свои разновидности: правовое пространство Российской Федерации как единое правовое пространство, правовое пространство субъектов РФ (совокупности регионов России). По его мнению, правовое пространство как своеобразная категория дает возможность «анализировать вопросы соразмерности нормативных правовых актов, договорных механизмов в федеративных отношениях [4, с. 24], исследовать общее и особенное, пределы и объемы действия правовых актов» [5, с. 45]. Профессор Ю.А. Тихомиров исходит из того, что равновесие в правовом пространстве не нарушается существованием «внутригосударственных границ между субъектами Российской Федерации» [6, с. 7]. Другие авторы считают, что правовое пространство, образуемое конституционными правоотношениями, имеет несколько правовых плоскостей, в том числе ту, которая связана с положением народов. В литературе утвердилось мнение о двухуровневой законодательной политике федеративного государства. «Принимаемые законы должны учитывать двухуровневые политические процессы, происходящие в федеративном государстве» – пишет В.В. Гайдук [7, с. 166]. В.В. Суханов, специально изучавший особенности правового пространства в условиях Российской Федерации, выделяет три уровня конституционно-правового пространства: правовое пространство единого федеративного государства; правовое пространство регионов. Правовое пространство субъектов Российской Федерации рассматривается как обобщение реальности определенной группы нормативных актов, имеющих юридическую силу в пределах соответствующих административных границ [8, с. 10-12]. В.П. Малахов в работе «Философия права» обосновал положение, согласно которому правовое пространство является вместилищем для действующих норм. Автор полагает, что содержание правового пространства есть содержание правового существа [9, с. 358]; правовое пространство, будучи данностью правового существа, при всем том является «выражением его природы» [9, с. 359]; правовое пространство субъекта не может быть отчуждено от него, т.е. оно не быть лишено движения (развития) [9, с. 363]; содержательная сторона пространства определена совокупностью притязаний правового существа; локализованное правовое пространство является частью «единого общественного правового пространства» и потому действия правовых субъектов значимы «только как восхождение к единому, общему», являющемуся абсолютной ценностью [9, с. 367]. Притязания правового существа сбалансируются с необходимостью организации общественно-государственной жизни. В этом контексте образуются системы, предполагающие уверенность правового субъекта в существовании и преданность его обществу [9, с. 369].

2. Положения Конституции России 1993 года о федеративном устройстве были основаны на идеи о качественном обновлении российского федерализма и направлялись на недопущение разрыва между провозглашенным статусом субъекта Федерации и его

реализацией. Существенные параметры законодательства субъектов РФ, в том числе республик в составе России, были определены федеральными законами, в частности Законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и иных исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Применительно к республикам в составе России относительно правового пространства, связанного с действием определенных видов нормативных актов на их территории, значение имели и имеют правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации. Среди них выделяется Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2000 года № 10-П «По делу о проверке конституционности некоторых положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти Российской Федерации». Выкристаллизовались основные начала правового пространства субъектов Российской Федерации как неотъемлемой части общегосударственного пространства, взаимоотношения которых строится на принципе единого правового пространства. Правовое пространство субъектов РФ опирается на конституционные основы Российского государства и реализуется как выражение их конституционно-правового статуса, а также как рациональная система управления. Нормативность правового пространства субъектов РФ ограничена как предметно, так и территориально. В целом правовое пространство субъектов Российской Федерации носит субсидиарный характер. Законодательством субъектов России не могут быть установлены ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации. Как правило, законодательством субъекта РФ могут быть определены более благоприятные условия реализации прав и свобод граждан. Но сами «дополнения», которые резервируются за субъектами РФ, должны иметь основания в федеральном регулировании. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 1 февраля 1996 года признал за субъектами РФ возможность осуществлять опережающее регулирование по вопросам совместного ведения, т.е. в рамках ст. 72 Конституции РФ. Положение было подтверждено Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ.

3. Развитие федеративного устройства всесторонне изучается наукой конституционного права Российской Федерации. При этом выработаны позиции, которые учитывают вариации, отражающие как развитие самой науки, так и различных объектов исследований. Так, рассматривая вопросы эволюции субъектов Федерации, с одной стороны, подчеркивают современные возможности научных исследований, а, с другой, не упускают из виду фактического положения участников федеративных отношений. Все больше обращают внимание на необходимость комплексного изучения проблем конституционно-правового регулирования. Практика конституционного строительства показывает, что закрепление интересов общества и государства опосредствуется подходами и приоритетами, представлениями и интересами социальных организованностей, имеющих приоритетное положение в системе фактических отношений. «Современное раскрытие сущности конституции чаще связывается с познанием ее глубинной природы, с решением вопроса о том, что чью волю конституция выражает – всего народа, отдельной группы людей» – подчеркивают авторы учебника по конституционному праву [10, с. 34]. По мнению ряда исследователей, вот уже несколько лет наблюдается «дефедерализация нашего государственного устройства» [11, с. 45-53].

Конституционная реформа касается многих сторон укрепления единого правового пространства [12, с. 12-25]. Поправки-2020:

– расширяют предпосылки развития единого правового пространства Российской Федерации. Статья 71 Конституции РФ, посвященная исключительным полномочиям Российской

ской Федерации, пополняется новыми положениями, в том числе касающихся вопросов организации публичной власти, установления единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, обеспечения безопасности личности, общества, применения информационных технологий, оборота цифровых данных, установления ограничений для замещения государственной и муниципальной службы;

– дополняет организационно-правовые механизмы единого правового пространства. В частности, расширяются полномочия высших органов государственной власти России – Президента Российской Федерации, Федерального Собрания, Правительства Российской Федерации, Конституционного суда РФ, а Государственный Совет РФ, формируемый Президентом России, призванный обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействия органов публичной власти, получает конституционный статус. По запросу Президента России Конституционный Суд РФ осуществляет предварительный конституционный контроль в отношении проектов законов о поправке к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также принятых в порядке, предусмотренном частями 2 и 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Основного закона РФ, законов. По запросу Президента РФ Конституционный Суд России осуществляет предварительный конституционный контроль и в отношении проектов законов субъектов Российской Федерации;

– устраняют возможности негативного внешнего влияния на российское правовое пространство. Согласно новой редакции статьи 79 Конституции РФ решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Основному закону России, не подлежат исполнению.

Положения конституционной реформы, непосредственно или опосредованно касающиеся вопросов правового пространства, составлены с учетом необходимости соблюдения принципа симметричности. Это означает, что предпосылки, условия и механизмы укрепления единого правового пространства окажут положительное воздействие на состояние правового пространства субъектов Российской Федерации. Предварительный конституционный контроль закона субъекта РФ не охватит вопросы опережающего правового регулирования и предметы исключительного ведения региона. Однако практика предварительного конституционного контроля будут иметь профилактическое значение для всего регионального регулирования.

Поправки к Конституции, имеющие в виду устойчивое экономическое развитие, повышение благосостояния граждан, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей граждан, повышение роли труда будут реализованы, том числе, посредством законодательного регулирования, осуществляемого в республиках в составе России. Некоторые положения Поправок-2020 нацеливают органы публичной власти республик в составе России решительно расширять сферу правового регулирования в области культуры и языка. Представляется, что относительно культуры республики поставлены перед необходимостью решения двух диалектически взаимосвязанных проблем. Республикам в составе России призваны развивать все необходимые условия для сохранения и обеспечения развития национально-исторических культурных традиций и всячески поддерживать современные достижения национальной культуры. В то же время органы публичной власти республик в составе России призваны гарантировать национальной культуре достойное место и своеобразную роль в общероссийской культурной идентичности. Эта сторона правового пространства национальных республик может быть оценена и с более общих позиций. Известно, что не везде культивируется бережное отношение к культуре народов. Особенность России заключается в том, что здесь не только многочисленные и большие народы сохраняют культуры, но условия таковы, что не очень большие по численности и малочислен-

ные народы и этноса успешно заботятся о собственных культурах. Если учесть, что уже в настоящее время культурное развитие народов связано с российским федерализмом, то по результатам культурной модернизации, как утверждают некоторые исследователи, можно будет говорить и о реальности «культурного федерализма».

Благотворным будет влияние конституционной реформы и по другим направлениям развития республик в составе Российской.

Первое. Дополнение положений ст. 72 Конституции РФ означает расширение предметов правового регулирования субъектов РФ. Нельзя не обратить внимания на то, что характер этих дополнений будет таковым, что тщательное на них правовое воздействие будет связано с качественными достижениями в организации быта, образа жизни, уровня жизнедеятельности многонационального народа республик в составе России. По обновленному перечню предметов совместного ведения органы государственной власти республик в составе РФ нацеливаются на правовое воздействие материально-производственной, социально-хозяйственной, инфраструктурной и личностной основ обеспечения формирования и функционирования народной культуры, культурной идентичности народов и этносов. Неслучайно, что к соответствующим вопросам отнесены такие необходимые вопросы, как сельское хозяйство, молодежная политика, оказание доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, защита института брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей в семье и др.

Второе. Конституционная реформа, фиксируя преемственность российской государственности, подразумевает и преемственность государственности республик в составе РФ. Здесь усматривается уважение к истории самоорганизации, самоуправления и государственно-правового развития народов, в том числе в форме автономных республик.

Третье. Поправки-2020, вменяя в обязанность Российской Федерации обеспечение защиты исторической правды, обязывает республики в составе России иметь в виду не только вклад народов России в укреплении российского государства, но и тот исторический факт, что народы России «соединены общей судьбой на своей земле».

Четвертое. Поправки-2020, обращаясь к истории взаимодействия народов России, как бы возрождают такие моменты, которые становятся актуальными в современных условиях. Закрепление положения русского языка как языка государствообразующего народа является признанием его фактического исторического положения. Конституция, выделяя многонациональный союз равноправных народов» подчеркивает их ответственность в его сохранении и укреплении. Вместе с тем здесь слова о равноправных народах можно понимать как обращение к тем народам, которые не являются носителями языка государствообразующего народа. В этом контексте не исключено, что слова «равноправные народы» обращены к соответствующим субъектам конституционно-правовых отношений и обязывают их не отставать в своем развитии от других. Рационально воспользоваться государственной гарантией сохранения языка и государственной защитой культурной самобытности – обязанность народов.

Пятое. Конституционная поправка вводит понятие «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Это означает, что Республики обязаны принимать все необходимые меры для поддержания этого союза. Причем, данная деятельность республик в составе России предполагает предупреждение отставания того или иного народа от развития других народов. Для статьи 73 Конституции РФ важное значение имеет положение Конституции РФ о том, что Государство защищает культурную самобытность народов и этнических общностей. Все Республики России являются многонациональны-

ми. Сохранение культурной идентичности многих народов зависит от социально-экономического и правового благополучия республик в составе России. Это бесспорно. Особой заботой Республик в составе России становятся народов и этносов, поскольку государство гарантирует сохранение языкового многообразия.

Заключение. В реализацию положений конституционной реформы значительный вклад могут внести республики в составе России. Конституция РФ учитывает исторически сложившиеся начала республик, в том числе по вопросам самоорганизации, самоуправления и развития государственности. Конституционно-правовое развитие республик в составе России никогда не противопоставлялось ни этнокультурным особенностям, ни их языковой среде. Республики в составе России, формируя и укрепляя правовую государственность, продолжали иметь свои традиции, обычаи, верования и пользоваться своеобразно свободой совести вероисповедания. По некоторым параметрам представляется специфической народнохозяйственной составляющая республик в составе России. Имеются в виду отраслевая структура экономики и производственный потенциал. В состоянии республик отражаются показатели по средствам коммуникаций, а также по уровню обеспеченности населения инфраструктурными достижениями. Будет своевременным, если республика в составе России разработает и примет концепцию о правовой политике. Надо сказать, что имеется теоретическое обоснование концепции региональной правовой политики, подготовленное группой ученых под руководством профессора Малько А.В. В пользу принятия правовой концепции говорят и некоторые нововведения, представленные в Конституции Российской Федерации. В соответствии с Поправками-2020 в проведении и осуществлении конституционной реформы праву, закону, правовому регулированию отводится исключительная роль. Новым явлением может стать практика предварительной проверки по запросу Президента России конституционности проектов законов субъектов Федерации. Если делать упор на лучшие ожидания, то с внедрением института в системе источников права изменится статус законов субъектов Федерации и возрастет авторитет региональных парламентов.

Литература

1. Бабурин С.Н. Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 73-86.
2. Жан-Луи Бержель. Общая теория права. М., NOTA BENE. 2000.
3. Суханов В.В. Правовое пространство и его организация: автореферат дисс. ... кандидата юридических наук. М., 2005.
4. Барциц И.Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М.: Изд-во Московского университета, 2000.
5. Барциц И.Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки // Политическая наука. 2003. № 3. С. 40-62.
6. Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: равновесие и отклонение. // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 4. 2017. С. 4-17.
7. Гайдук В.В. Институт федерализма. Вопросы теории. М., NOTA BENS. 2008.
8. Суханов В.В. Правовое пространство и его организация автореферат дисс. ... кандидата юридических наук. М., 2005.
9. Малахов В.П. Философия права. М., 2002.
10. Нарутто С.В., Таева Н.Е., Шугрина Е.С. Конституционное право России. – Учебник. М., РИОР ИНФРА-М. 2019.
11. Умнова И.А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 45-53.

12. Кондрашов А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15-25.

References

1. Baburin S.N. Predotvratit' evtanaziyu chelovechestva: nnravstvennost' i integracionnyj konstitucionalizm kak osnova transformacii sovremennoj prava // Gosudarstvo i pravo. 2021. № 6. S. 73-86.
2. ZHan-Lui Berzhel'. Obshchaya teoriya prava. M., NOTA BENE. 2000.
3. Suhanov V.V. Pravovoe prostranstvo i ego organizaciya: avtoreferat diss. ...kandidata yuridicheskikh nauk. M., 2005.
4. Barcic I.N. Pravovoe prostranstvo Rossii: voprosy konstitucionnoj teorii i praktiki. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2000.
5. Barcic I.N. Pravovoe prostranstvo Rossii: ponyatie, resursy, priznaki // Politicheskaya nauka. 2003. № 3. S. 40-62.
6. Tihomirov YU.A. Pravovoe prostranstvo: ravnovesie i otklonenie. // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. № 4. 2017. S. 4-17.
7. Gajduk V.V. Institut federalizma. Voprosy teorii. M., NOTA BENS. 2008.
8. Suhanov V.V. Pravovoe prostranstvo i ego organizaciya avtoreferat diss. ... kandidata yuridicheskikh nauk. M., 2005.
9. Malahov V.P. Filosofiya prava. M., 2002.
10. Narutto S.V., Taeva N.E., SHugrina E.S. Konstitucionnoe pravo Rossii. – Uchebnik. M., RIOR INFRA-M. 2019.
11. Umnova I.A. Problemy defederalizacii i perspektivy optimizacii sovremennoj rossijskoj modeli razgranicheniya predmetov vedeniya i polnomochij v kontekste doktriny subsidiarnosti // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2012. № 2. S. 45-53.
12. Kondrashov A.A. Tendencii konstitucionnogo razvitiya Rossii v kontekste konstitucionnoj reformy 2020 goda // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 11. S. 15-25.

A. K. Ноговицын, Н. М. Яковлев

Проблемы учета региональных особенностей при правовом обеспечении недропользования в Арктической зоне РФ

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем правового обеспечения комплексного рационального недропользования в Арктической зоне Российской Федерации. Заслуживает внимание предложение автора о возложении на недропользователя дополнительных природоохранных обязательств с включением их в лицензию на пользование недрами, к которым могут относиться обязательства по ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне РФ.

Ключевые слова: законодательство о недрах, правовое обеспечение недропользования, арктическая зона, правовые механизмы в сфере недропользования.

A. K. Nogovitsyn, N. M. Yakovlev

Problems of taking into account regional features in the legal provision of subsoil use in the Arctic zone of the Russian Federation

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of legal support for integrated rational subsoil use in the Arctic zone of the Russian Federation. The author's proposal to impose additional environmental obligations on the subsoil user with their inclusion in the license for the use of subsoil, which may include obligations to eliminate accumulated environmental damage in the Arctic zone of the Russian Federation, deserves attention.

Keywords: subsoil legislation, legal support for subsoil use, the Arctic zone, legal mechanisms in the field of subsoil use.

Введение

Законодательство о недрах основывается на Конституции Российской Федерации, законе Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (далее закон о недрах), других федеральных и региональных нормативных актах.

НОГОВИЦЫН Андрей Константинович – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: nogovitsyn_ak@mail.ru

NOGOVICYN Andrej Konstantinovich – Master's student, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

ЯКОВЛЕВ Николай Михайлович – к. ю. н., доцент, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Саха (Якутия), доцент кафедры арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

YAKOVLEV Nikolai Mikhailovich – Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Sakha (Yakutia), Associate Professor at the Department of Arctic law, Asia Pacific law, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

В соответствии со статьей 9 Конституции Российской Федерации земля и иные природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, они могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (часть 2 статьи 36 Конституции Российской Федерации).

Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами, разграничение государственной собственности, природопользование и законодательство о недрах находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (пункты «в», «г», «д» и «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации [1].

Таким образом, правовая регламентация рационального использования и охраны недр должна учитывать место расположения используемого природного комплекса: социально-экономические и экологические задачи региона освоения месторождения, его климатические, географические, демографические и иные особенности, состояние окружающей среды.

Актуальность социально-экономического развития российской Арктики и охраны окружающей среды в этом регионе неоспорима. При этом в указанном регионе взаимозависимость первого от второго особенно сильна, так как недропользование здесь является ключевым сектором экономики.

В настоящее время анализу и поискам путей решения правовых проблем Арктического региона уделяется особое внимание. Как отмечает Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Арктика – важнейший регион, который будет обеспечивать будущее России. Возможности Российской Федерации будут прирастать Арктическим регионом. Примерно 30 процентов всех углеводородов будут добывать в Арктике. Нужно обеспечить хозяйственную деятельность в Арктике. Нужно обеспечить и военное присутствие, обеспечить охрану границ» [2].

Согласно Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, разработанному Минэкономразвития России, для Арктического пояса развития в перспективе предполагается интенсивная геологоразведка, освоение новых месторождений природных ресурсов, восстановление и развитие Северного морского пути [3].

В соответствии с п. 5 Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденных Указом Президента РФ от 05.03.2020 № 164, среди основных национальных интересов в Арктике отмечаются: обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения Арктической зоны Российской Федерации; развитие Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование в целях ускорения экономического роста Российской Федерации; охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации [4].

Указанное рациональное использование ресурсной базы Арктики в целях ускорения экономического роста страны при условии обеспечения охраны окружающей среды и достижение иных задач невозможны без выработки специальных правовых механизмов в сфере недропользования.

Некоторые задачи, касающиеся правового обеспечения комплексного недропользования, также обозначены в актах Минприроды России, утверждающих план его деятельности.

сти в отношении арктических территорий страны [5]. Министерство считает первостепенно важным проведение работ по повышению геологической изученности рассматриваемой территории, воспроизведству минеральных ресурсов в ее пределах, обеспечению рационального использования существующей минерально-сырьевой базы, повышению эффективности лицензирования недропользования.

В рассматриваемых документах большая часть внимания уделяется повышению эффективности геологоразведочных работ и ускорению добычи минерального сырья. Вместе с тем Арктика – это уникальный регион, где проживают миллионы людей, которым важно обеспечить право на благоприятную окружающую среду, где при разведке и добыче полезных ископаемых задействованы природные ресурсы, которые в условиях сурового климата не способны к быстрой регенерации, в связи с чем необходимо уделять особое внимание обеспечению комплексного недропользования.

Кроме того, согласимся с Н.Г. Жаворонковой и В.Б. Агафоновым, что в документах стратегического планирования, относящихся к территории Арктики, цели и задачи преимущественно носят декларативный характер. Положения рассматриваемых актов должны получать развитие в правовых механизмах практической реализации намечаемых планов, иметь характер прямого действия, [6] без чего невозможно достижение заданных показателей развития экономики региона, обеспечение в его пределах благоприятной окружающей среды, повышение степени инвестиционной привлекательности бизнес-проектов [7].

К настоящему моменту в отечественном законодательстве не так много норм, которые устанавливали бы специфику недропользования в Арктической зоне, большинство из них регулируют традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. В свою очередь правовое регулирование, устанавливающее особенности недропользования, имеет фрагментарный характер, преимущественно применяются общие для всей территории Российской Федерации порядок и условия использования природных ресурсов.

В пределах Арктической зоны создаются территории традиционного природопользования, а использование природных ресурсов, расположенных на указанных территориях, в соответствии с ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» для осуществления предпринимательской деятельности допускается только при соблюдении специальных условий [8].

Таким образом, лицам, планирующим осуществлять разведку и добычу полезных ископаемых, необходимо учитывать существующие сложившиеся отношения коренных малочисленных народов, касающиеся традиционного природопользования.

Более того, ст. 14 названного закона позволяет коренным малочисленным народам безвозмездно использовать общераспространенные полезные ископаемые для собственных нужд. Такую деятельность нельзя считать осуществлением разведки и добычи, так как она не является предпринимательской и не подразумевает получение соответствующей лицензии, однако это может существенно скорректировать планы горнодобывающих предприятий и нефтегазовых компаний, использующих общераспространенные полезные ископаемые для собственных нужд в соответствии со ст. 19.1 Закона РФ «О недрах», а также иных потенциальных недропользователей.

С учетом вышеуказанных норм к полномочиям органов власти субъектов РФ на основании п. 10 ч. 4 Закона РФ «О недрах» относится защита интересов коренных малочисленных народов. Таким образом, при предоставлении недр в пользование, проектировании работ на участке недр, а также по завершению работ на участке недр государство в лице органов власти должно учитывать интересы коренных малочисленных народов в сфере традиционного природопользования.

Таким образом, для осуществления недропользования на территориях традиционного природопользования имеется ряд изъятий из общих ограничений, которые могут ущемлять права коренных малочисленных народов, а также вносить дисбаланс в приоритеты использования природных ресурсов в сторону экономики, вразрез с интересами экологии.

В НК РФ также утверждены специальные нормы для недропользователей Арктики, устанавливающие налоговые льготы применительно к нефтегазовым месторождениям крайнего Севера, которые повышают экономическую эффективность освоения труднодоступных месторождений, а также – в законодательстве о недрах, в части уменьшения ставок разового [9] и регулярного [10] платежей за пользование недрами в отношении участков недр Арктической зоны.

Ограничения субъектного состава недропользователей континентального шельфа, а также внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации, указанные в ч. 2, 3 ст. 9 Закона РФ «О недрах», безусловно, распространяются на арктические воды, однако эти нормы не являются специальными по отношению к ним и распространяются в равной степени на южные и дальневосточные моря.

Существуют и иные нормы, которые в разной степени обеспечивают рациональное комплексное недропользование в Арктике, однако подчеркнем, что они не имеют единой системы в праве. В связи с этим говорить о том, что в Российской Федерации существует специальный правовой режим недропользования в Арктической зоне, преждевременно.

Так, например, в 2018 году правительство Республики Саха (Якутия), являющейся одним из крупнейших арктических субъектов России, где осуществляется активная разведка и добыча полезных ископаемых, обратилось в Правительство Российской Федерации с просьбой о введении особого режима недропользования на арктических территориях, а также об определении основных целей, принципов, задач и направлений проведения единой государственной экологической политики в Арктике. Такая инициатива связана с повышением уровня добычи углеводородов в российской зоне Арктики и усилением экологических рисков в регионе [11].

Более того, отсутствие единого нормативно-правового акта, регулирующего недропользование в Арктической зоне, в науке отмечается в качестве назревшей проблемы.

В части, касающейся правового обеспечения комплексного недропользования, предлагалось сделать обязательными проведение оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) и государственной экологической экспертизы на все виды хозяйственной деятельности. По мнению С.А. Боголюбова, И.О. Красновой, указанные проектируемые нормы имели рамочный характер и терялись в системе предлагаемых норм, регулирующих социально-экономическое развитие [12].

Стоит согласиться с данными выводами, отметив, что правовое обеспечение комплексного недропользования нуждается в более широком и специфическом выражении применительно к Арктическому региону, что обусловлено природно-климатической, социально-экономической, стратегической спецификой российской Арктики.

По мнению Т.В. Злотниковой, действующие нормативно-правовые акты недостаточно защищают уникальную экосистему Арктики и не в полной мере обеспечивают минимизацию экологического ущерба природе, тем более в условиях грядущей интенсивной эксплуатации природных ресурсов региона. Исследователь выражает надежду на скорое принятие законодательного акта, охватывающего все аспекты правового регулирования Арктической зоны России, включая надежные правовые механизмы, обеспечивающие сбережение хрупких арктических экосистем [13].

Представляется, что такого рода тенденция является определяющим фактором, который должен лежать в основе формирования специального правового режима недропользования в Арктической зоне.

Нормативно-правовые акты в сфере инвестиционной деятельности в Арктике не в полной мере увязаны с законодательством в сфере недропользования, так как правительственные меры по обеспечению инвестиций носят комплексный характер, а правовое регулирование получения прав недропользования дифференцировано. В настоящее время установление прав и обязанностей на отдельные природные ресурсы и объекты, задействованные при планируемой деятельности, осуществляется индивидуально по отношению к каждому из них, равно как и ответственность за экологические правонарушения, связанные с их использованием.

Так, например, по каждому из участков недр, разработка которых необходима для загрузки мощностей создавшейся (создающейся) инфраструктуры, проводились самостоятельные аукционы на право пользования недрами. Впоследствии недропользователь отдельно получает права на земельные участки, водные объекты (их части), лесные участки, необходимые для реализации единого инвестиционного проекта, в котором определены единые, конкретные задачи, посчитан совокупный экономический эффект от использования комплекса природных ресурсов.

По нашему мнению, для подобного рода проектов в Арктической зоне в законодательстве целесообразно предусмотреть специальный механизм получения, использования и прекращения прав не только на природные ресурсы, расположенные в пределах территории комплексного недропользования, но и на природные ресурсы, необходимые для исполнения обязательств социально-экономического, экологического и иного характера, в том числе необходимые для реализации инвестиционного проекта.

Практика предоставления в пользование природных ресурсов, необходимых для исполнения обязательств социально-экономического, экологического и иного характера в Арктической зоне, активно используется в правоприменении. В законодательстве имеются общие нормы, на основе которых возможно установление в лицензии на пользование недрами и (или) проектной документации обязательств по охране и использованию таких природных ресурсов, но специальные нормы, допускающие такую возможность, отсутствуют. Данная проблема обуславливает потенциальную возможность злоупотреблений со стороны органов власти, связанных с обременением избыточными обязательствами недропользователей либо, наоборот, игнорированием необходимости включения в лицензии обязательств социально-экономического, экологического и иного характера.

К таким нормам общего характера следует отнести ч. 2 ст. 12 Закона РФ «О недрах», где отмечается, что лицензия на пользование недрами может включать иные условия, предусмотренные законодательством Российской Федерации о недрах, условия, предусмотренные решением о проведении аукциона на право пользования участком недр.

Кроме того, с учетом подпункта «б» п. 1 постановления Правительства РФ от 06.08.2015 № 802 при предоставлении права пользования недрами возможно установление обязательств недропользователя по ликвидации горных выработок и иных сооружений на других участках недр, которые могут находиться далеко за пределами участка недр, предоставленного для разведки и добычи минерального сырья (в том числе «угольные двойки»), что является актуальным для территории российской Арктики, где достигнут высокий уровень накопленного вреда окружающей среде.

Однако пределы применения рассматриваемых норм в законодательстве не обозначены, равно как и не отмечается необходимость включения таких условий в лицензии, выдаваемые на участки недр Арктической зоны. Так, механизм «угольных двойек», проистекающий из подпункта «б» п. 1 постановления Правительства РФ от 06.08.2015 № 802, в пределах Арктической зоны широко не применяется, хотя в границах указанной территории имеется колоссальный фонд «брошенных» скважин, которые следует ликвидировать.

С учетом сложившейся проблемы ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктике [14], включение подобных условий при предоставлении недр на указанной территории весьма актуально. Вместе с тем для этого необходимо установить соответствующие императивы в законодательстве, регулирующем недропользование в Арктической зоне, так как включение или невключение рассматриваемых норм в условия недропользования по конкретным объектам в настоящее время является правом, а не обязанностью государственных органов.

На основании ч. 3 ст. 11 Закона РФ «О недрах» (в ред. до 01.01.2022) между уполномоченными на то органами власти и недропользователем позволялось заключать соглашения, содержащие дополнительные условия недропользования на конкретном участке и обязательства по исполнению этих условий [15].

На практике указанная норма являлась правовым механизмом выделения социально-экономической помощи недропользователями субъектам РФ, где ими осуществляется разведка и добыча полезных ископаемых.

По мнению высшего законодательного (представительного) органа Республики Саха (Якутия) – Государственного собрания (Ил Тумэн), ч. 3 ст. 11 Закона РФ «О недрах» (в ред. до 01.01.2022) является основой для наложения на недропользователя обязательств по участию в социально-экономическом развитии соответствующей территории. Кроме того, указанный орган власти субъекта РФ дает предложения по развитию указанного механизма и предлагает сделать условия участия в социально-экономическом развитии субъекта Российской Федерации и муниципального образования, согласованные с соответствующим публичным образованием, обязательным условием пользования недрами по лицензии [16].

По нашему мнению, ч. 3 ст. 11 Закона РФ «О недрах» (в ред. до 01.01.2022) необоснованно утратила силу, при этом могла стать частью специального механизма предоставления в пользование природных ресурсов, необходимых для исполнения обязательств социально-экономического, экологического и иного характера, причем, подчеркнем, не только для достижения социально-экономических целей, но и для обеспечения охраны окружающей среды и решения экологических задач, что актуально в условиях российской Арктики.

Для развития рассматриваемого правового механизма необходимо законодательно установить порядок и пределы действия указанных соглашений, а для Арктической зоны – сделать заключение этих соглашений обязательным условием пользования недрами по лицензии в части обеспечения охраны окружающей среды в рамках отношений комплексного недропользования.

Принимая во внимание вышеизложенное, правовое регулирование охраны и использования недр в Арктической зоне Российской Федерации не образует системы и не обладает специфическими особенностями, направленными на решение задач социально-экономического развития и охраны окружающей среды указанного региона.

Введение правовых подходов и механизмов комплексного недропользования должно обеспечивать баланс прав и обязанностей недропользователя по использованию природных ресурсов. Содержание указанных прав и обязанностей целесообразно поставить в зависимость от экологического состояния используемого природного комплекса, а также социально-экономических, экологических и иных проблем региона недропользования.

В связи с этим решение экологических проблем, а также превентивные меры по специальному режиму охраны окружающей среды Арктического региона должны следовать в том числе из особых обязанностей недропользователя, включаемых в лицензию на пользование недрами в отношениях по комплексному недропользованию (например, обязательства по ликвидации накопленного вреда окружающей среды), которые будут коррелировать

с правами, предоставляемыми ему, в виде особого порядка приобретения прав на природные ресурсы в рамках правового механизма территории комплексного недропользования.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что правовое обеспечение комплексного недропользования предполагает обязательный учет особенностей как используемого недропользователем природного комплекса, так и специфики экосистемы мест разработки месторождений. Также должен быть обеспечен баланс прав и обязанностей недропользователя по использованию различных природных ресурсов. Содержание указанных прав и обязанностей целесообразно поставить в зависимость от экологического состояния используемого природного комплекса, а также социально-экономических, экологических и иных проблем региона недропользования.

В частности, недропользователей в экологически уязвимой Арктической зоне Российской Федерации следует наделять обязательствами природоохранного характера, в том числе по ликвидации накопленного вреда окружающей среды. В целях стимулирования освоения территорий опережающего социально-экономического развития Дальневосточно-го федерального округа добросовестным недропользователям, соблюдающим требования в области рационального недропользования и охраны окружающей среды, целесообразно предоставлять преимущественные права на природные ресурсы для реализации бизнес-проектов, финансирование которых предполагается осуществлять за счет прибыли от недропользования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Пресс-конференция Президента Российской Федерации В.В. Путина. Москва. Центр международной торговли. 2019 г.//<https://rg.ru/2019/12/14/videotransliacii-press-konferencii-vladimira-putina.html> [Электронный ресурс].
3. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) // СПС КонсультантПлюс.
4. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 09.03.2020. № 10. Ст. 1317.
5. План деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации на 2019–2024 годы (утв. Минприроды России 19.05.2020 № 11/12) // СПС КонсультантПлюс
6. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Современные тренды правового обеспечения стратегического планирования недропользования в Арктике // LexRussica. 2018. № 7. С. 114–124.
7. Агафонов В.Б. Правовое регулирование недропользования в районах Крайнего Севера и на континентальном шельфе северных акваторий Российской Федерации // Российская Арктика – территория права: альманах/отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИЗиСП; Салехард: Юриспруденция, 2014. С. 155–160.
8. Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20. 14.05.2001. Ст. 1972.
9. Приказ Минприроды России от 30.09.2008 № 232 (ред. от 15.10.2019) «Об утверждении Методики по определению стартового размера разового платежа за пользование недрами» // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». 19.01.2009. № 3.
10. Приказ Минприроды России от 07.03.2014 № 134 «Об утверждении Порядка определения конкретных размеров ставок регулярных платежей за пользование недрами» // «Российская газета». 24.10.2014. № 244.
11. Постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) от 21.02.2018 ГС № 1272-V «Об обращении Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) к Правительству

Российской Федерации о необходимости разработки и одобрения Экологической доктрины Арктической зоны Российской Федерации»//СПС КонсультантПлюс.

12. Боголюбов С.А., Краснова И.О. Право и спасение природы российской Арктики//Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 178–190.

13. Злотникова Т.В. Современные проблемы Арктического региона: природа, право, geopolитика//Экологическое право. 2017. № 6. С. 16.

14. Игнатьева И.А. Особенности правового регулирования в области обращения с отходами производства и потребления в Арктической зоне Российской Федерации//Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 159–172.

15. Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 11.06.2021) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ”, 06.03.1995, N 10, ст. 823.

16. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации о недрах» № 496360-7 (в части дополнения содержания лицензии на пользование недрами) //https://sozd.duma.gov.ru (официальный сайт «Система обеспечения законодательной деятельности») [Электронный ресурс].

References

1. Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii (prinyata vserosijnym golosovanijem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020)] Available at: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Press-konferentsiya Prezidenta Rossijskoj Federatsii V.V. Putina. Tsentr mezhdunarodnoj torgovli [Press conference of the President of the Russian Federation V.V. Putin. Moscow. International Trade Centre] 2019. Available at: //<https://rg.ru/2019/12/14/videotransliaciia-press-konferenciia-vladimira-putina.html>.

3. Prognoz dolgosrochnogo sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federatsii na period do 2030 goda (razrabotan Minehkomrazvitiya Rossii) [Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia)] Available at: <http://www.consultant.ru/>

4. Uzak Prezidenta RF ot 05.03.2020 № 164 «Ob Osnovakh gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federatsii v Arktike na period do 2035 goda». Sobranie zakonodatel’stva Rossijskoj Federatsii. 09.03.2020. № 10. St. 1317 [Decree of the President of Russian Federation of March 5, 2020 No 164 “On the Foundations of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period until 2035”, Legislative Collection of Russian Federation, March 9, 2020, No 10, Art. 1317].

5. Plan deyatel’nosti Ministerstva prirodykh resursov i ekologii Rossijskoj Federatsii na 2019–2024 gody (utv. Minprirody Rossii 19.05.2020 № 11/12) [Activity Plan of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation for 2019-2024 (app. Ministry of Natural Resources of Russia May 19, 2020 No. 11/12)]. Available at: <http://www.consultant.ru/>

6. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Sovremennye trendy pravovogo obespecheniya strategicheskogo planirovaniya nedropol’zovaniya v Arktike. Lexrussica [Current trends of legal support for strategic planning of subsoil use in the Arctic. Lexrussica] 2018. № 7. 114–124 p.

7. Agafonov V.B. Pravovoe regulirovaniye nedropol’zovaniya v rayonakh Kraynego Severa i na kontinental’nom shel’fe severnykh akvatoriy Rossijskoj Federatsii. Rossijskaya Arktika – territoriya prava: al’manakh. [Legal regulation of subsoil use in the regions of the Far North and on the continental shelf of the northern waters of the Russian Federation. Russian Arctic – territory of law: almanac] Salekhard: Yurisprudentsiya Publ., 2014. 155–160 p.

8. Federal’nyj zakon ot 07.05.2001 № 49-FZ «O territoriyakh traditsionnogo prirodopol’zovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal’nego Vostoka Rossijskoj Federatsii» (red. ot 08.12.2020). Sobranie zakonodatel’stva Rossijskoj Federatsii. № 20. 14.05.2001. St. 1972. [Federal Law of May 7, 2001 No. 49-FL “On the territories of traditional nature management of the indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation” (edited December 14, 2001. Art. 1972)].

9. Prikaz Minprirody Rossii ot 30.09.2008 № 232 (red. ot 15.10. 2019) «Ob utverzhdenii Metodiki po opredeleniju startovogo razmerra razovogo platezha za pol’zovanie nedrami»//«Bjulleten’ normativnyh aktov federal’nyh organov ispolnitel’noj vlasti». [Order of The Ministry of Natural Resources and Environment of

the Russian Federation from 30.09.2008 № 232 (edited on 15.10.2019) “On approval of the Methodology for determining the starting amount of a one-time payment for the use of subsoil. Bulletin of regulatory acts of federal executive bodies”] 19.01.2009. № 3.

10. Prikaz Minprirody Rossii ot 07.03.2014 № 134 «Ob utverzhdenii Poryadka opredeleniya konkretnykh razmerov stavok reguljarnykh platezhey za pol’zovanie nedrami»//«Rossiyskaya gazeta». [Order of The Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation from 07.03.2014 № 134 “On the approval of the Procedure for Determining Specific Rates of Regular Payments for the Use of Subsoil”] 24.10.2014. № 244.

11. Postanovlenie Gosudarstvennogo Sobraniya (Il Tumehn) RS (YA) ot 21.02.2018 GS № 1272-V «Ob obrazhenii Gosudarstvennogo Sobraniya (Il Tumehn) Respubliki Sakha (Yakutiya) k Pravitel’stvu Rossijskoj Federatsii o neobkhodimosti razrabotki i odobreniya EHkologicheskoy doktriny Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii» [Resolution of the State Assembly (Il Tumen) of Republic Sakha (Yakutia) dated on February 21, 2018 GS No. 1272-V «On the Appeal of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) to the Government of the Russian Federation on the need to develop and approve the Environmental Doctrine of the Arctic Zone of the Russian Federation». Available at: <http://www.consultant.ru/>

12. Bogolyubov S.A., Krasnova I.O. Pravo i spasenie prirody rossiyskoy Arktiki. Aktual’nye problemy rossiyskogo prava. [Law and Nature Conservation of the Russian Arctic. Topical problems of Russian law]. 2018. № 6. 178–190 p.

13. Zlotnikova T.V. Sovremennye problemy Arkticheskogo regiona: priroda, pravo, geopolitika. Ekologicheskoe pravo. [Modern problems of the Arctic region: nature, law, geopolitics. Environmental law] 2017. № 6. 16 p.

14. Ignat’eva I.A. Features of legal regulation in the field of waste management of production and consumption in the Arctic zone of the Russian Federation. Russian legal journal. [Features of legal regulation in the field of waste management of production and consumption in the Arctic zone of the Russian Federation. Russian legal journal] 2018. № 2. 159–172 p.

15. Zakon RF ot 21.02.1992 № 2395-1 (red. ot 11.06.2021) «O nedrakh» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022). Sobranie zakonodatel’stva RF”, 06.03.1995, N 10, st. 823. [The Law of Russian Federation No. 2395-1 Of February 21, 1992. (edited on June 11, 2021) «On the Subsoil» (with the Amendments and Additions of January 1, 2022), Legislative Collection of Russian Federation, March 6, 1995, No 10, Art. 823]

16. Proekt Federal’nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federatsii o nedrakh» № 496360-7 (v chasti dopolneniya soderzhaniya litsenzi na pol’zovanie nedrami (ofitsial’nyj sajt «Sistema obespecheniya zakonodatel’noj deyatel’nosti») [The draft Federal Law ““On Amendments to the Law of the Russian Federation on Subsoil” No. 496360-7 (in addition to the content of the subsoil license)] Available at: <https://sozd.duma.gov.ru>. official website “Legislative Support System”

А. М. Цалиев

О вопросах становления регионального конституционализма в России (на примере Северной Осетии)

Северо-Кавказский ГМИ (ГТУ), г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье на основе анализа 1-й и действующей Конституции Северной Осетии, законов об упразднении регионального правосудия раскрывается процесс централизации судебной власти. С учетом этого и других процессов государственного строительства высказывается версия об унитаризации государства. Обосновывается сложность создания конституционных советов как учреждаемых вопреки правовому принципу – не быть судьей в собственном деле. Для исследования данных и иных вопросов используются сравнительно-исторический, сравнительно-правовой и логический методы исследования.

Ключевые слова: Конституция РФ; федеративное правовое государство; 1-я Конституция Осетии; Конституция РСО-Алания; региональный конституционализм; конституционные (уст.) суды; конституционные советы; мировые судьи.

A. M. Tsaliev

On the issues of the formation of regional constitutionalism in Russia (on the example of North Ossetia)

North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University), NCIMM (STU), Vladikavkaz, Russia

Abstract. Based on the analysis of the 1st and current Constitution of North Ossetia, the laws on the abolition of regional justice, the process of centralization of judicial power is revealed in the article. Taking into account this and other processes of state-building, the version of the unitarization of the state is expressed. The author substantiates the complexity of creating constitutional councils as established contrary to the legal principle of not being a judge in your own case. Comparative-historical, comparative-legal and logical research methods are used to study these and other issues.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; federal rule of law; 1st Constitution of Ossetia; Constitution of the Republic of Ossetia; regional constitutionalism; constitutional (oral) courts; constitutional councils; justices of the peace.

В последние годы возникла и успешно развивается достаточно полноценная теория конституционализма, наряду с развитием ее раздела – регионального конституционализма. К числу ее основных компонентов следует отнести *Конституцию и систему публичных органов ее защиты*. Как на федеральном, так и на региональном уровне они имеют свои особенности по своей социальной ценности, статусу, востребованности, объему регулирования общественных отношений и других признаков. Исследование этих особенностей

ЦАЛИЕВ Александр Михайлович – д. ю. н., заслуженный юрист РФ, член Президиума Совета судей, профессор, зав. кафедрой конституционного и административного права, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), г. Владикавказ, Россия.

TSALIEV Alexander Mikhaylovich – Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, member of the Presidium of the Council of Judges, Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University), Vladikavkaz, Russia.

актуализируется в связи с обновленной Конституцией РФ, новых положений о Конституционном Суде РФ, упразднением конституционных и уставных судов субъектов РФ (далее – к/у) и возможностью образования региональных конституционных советов.

Если иметь в виду начало становления регионального конституционализма на примере Северной Осетии, то оно начинается с 1 (14) февраля 1918 г., когда первую в РСФСР Конституцию приняли в Осетии. И в то же время в России, в отличие от Осетии, где давно сформировалось писаное право, общественные отношения регулировались писанными законами, высокие государственные чиновники продолжали дискутировать по поводу необходимости принятия Конституции. Часть антиконституционалистов считали, что в сложное революционное время нередко целесообразность оказывается выше Закона. Даже такой известный юрист, как П.И. Стучка, в 1918 г. будучи наркому юстиции, сомневался в необходимости разработки Конституции. Он считал, что переходный от капитализма к коммунизму период «не укладывается в твердые рамки писаного Основного закона» и что диктатура пролетариата «плохо вяжется со словами «писаный закон» [1, с. 7]. Тем не менее, в июле 1918 г. была принятая Конституция РСФСР.

Возвращаясь к Конституции Осетии 1918 г. невольно возникает вопрос о причинах такого опережающего ее принятия. По моему мнению, основная из них заключается в особенностях осетинского правосознания, которое сводится к непременному следованию норм неписаного права – обычаям и традиций. Неслучайно академик В.Б. Пфафф писал: «У осетин, нет законов, но весь порядок их общежития основывается на обычаях, которые действуют со всей силою неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» [2, с. 169]. На это же обращал внимание известный ученый европейского уровня М.М. Ковалевский [3]. Специалисты правильно отмечают, что обычаям «следовали не потому, что сила традиции подавляла человека. Ему подчинялись потому, что он был внутренне вплетен в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошным и организованным образом» [4, с. 98].

Если говорить о 1-ом Основном законе Осетии, то следует отметить, что хотя сам документ назывался «Положение об осетинском национальном Совете», но нет никакого сомнения в том, что речь идет о Конституции. Во-первых, в словарях русского языка одно из значений слова – *положение*, толкуется как свод законов, правил по какому-то вопросу, в данном случае, по важнейшему – организации органов власти и их полномочиям. Если оно регулирует важнейшие общественные отношения, то такой документ, как бы его не называли, по существу является «Конституцией». Во-вторых, часто, особенно в Советский период, Конституция рассматривалась и обозначалась как Основной закон, более того, хотя в скобках, но, тем не менее, он предусматривался в самом ее названии. Например, в Германии Конституция напрямую называется Основным законом. В-третьих, абсолютное большинство субъектов РФ свой Основной закон называют не Конституцией, а Уставом, но они имеют одинаковое юридическое значение и предназначение, что еще раз свидетельствует о разновидностях наименования важнейшего юридического документа. В-четвертых, Положение предусматривало все функции Конституции: юридическую, учредительную, представительную, внешнюю, консолидирующую [5].

И наконец, в нескольких статьях *Положение прямо называется Конституцией*. Так, в ст. 6 Положения говорится, что «Национальный Совет в силу предоставленных ему п. 6 Конституции прав контроля...». Согласно ст. 15 «Депутаты избираются на один год и приносят присягу в верности настоящей Конституции».

В соответствии со ст. 28 Положения «В настоящую Конституцию могут быть внесены поправки, изменения и дополнения Национальным собранием». Все изложенное, еще раз подчеркнем, однозначно свидетельствует о том, что речь идет о 1-й Конституции Осетии.

Как показывает сравнительно-правовой анализ 1-й и действующей Конституции Республики, многие схожие черты есть между ними в части конституционных функций, которые во многом совпадают. Основные различия существуют относительно принципов организации органов государственной власти. В соответствии с 1-й Конституцией Осетии национальный Совет осуществлял почти функции всех трех ветвей власти, но меньше всего – судебной. В то же время действующая Конституция РСО-Алания закрепляет принцип осуществления государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Становлению и развитию регионального конституционализма в значительной мере способствовало наличие регионального правосудия в лице к/у судов и мировых судей. В Конституцию РСО-Алания 1994 г. они были включены республиканскими законами от 19 июля 2001 г.

Формированию региональной судебной системы должна была способствовать объявленная в 1991 г. Концепция судебной реформы в РСФСР и поддержанная Верховным Советом РСФСР децентрализация регионального правосудия. Отметим также, что учреждение института мировых судей в свое время мотивировали необходимостью дальнейшей демократизации и децентрализации судебной власти и необходимостью развития федеративных отношений. Кроме того, в Постановлении III (внеочередного) Всероссийского съезда судей от 25 марта 1994 г. «О концепции судебной системы Российской Федерации» была предусмотрена двухуровневая судебная система: федеральная и местная судебная система. Наличие последней вполне логично обосновывалось тем, что «если есть судебная система государства в целом, должны быть ее составные части – судебные системы, что является прямым отражением сущностной природы России как федерации».

Однако, со второй половины 1990-го года, под лозунгами демократизации и федерализации страны, в системе судебной власти начались противоположные процессы. Идеологическую основу под них подводили ученые либерал-демократы, обслуживающие интересы определенных групп с расхожими нелепыми фразами типа «судебные приговоры и решения согласовывались с парткомом». Подобного рода явно нелепые и клеветнические измышления составляли основу принимаемых законодательных решений относительно формирования судебной власти и лиц ее осуществляющих. Некоторые ученые-юристы, наряду с практическими работниками, чаще всего из сферы судебной власти, имеющиеся ошибки в осуществлении правосудия объясняют в печати вмешательством местной власти на принимаемые судебные решения и это в то время, когда законодательство не предоставляет им никаких полномочий по вопросам судебной власти.

Конечно, нельзя исключать подобные случаи, в том числе и в других органах государственной власти. Однако низкий уровень своей профессиональной деятельности, допускаемые в ней ошибки, беспринципность, нельзя сводить к вмешательству извне. Тем более судьям, обладающим независимостью, несменяемостью и неприкосновенностью на конституционном уровне и в специальных федеральных законах об их статусе. Отмечу, что таких правовых гарантий не имеют специалисты и должностные лица законодательной и исполнительной власти.

Уверен, что в процессе централизации власти существенную роль сыграла часть той политической и бизнес-элиты, которая с целью личной безопасности решила закрепить результаты своего незаконного обогащения судебными решениями, имеющими окончательный и обязательный характер. Это стало особенно очевидным в середине 1990-х годов – периоде наиболее активной приватизации природных ресурсов (земли, нефти, газа, драгоценных металлов и т.д.) и созданных в советский период богатств. Тогда централизации судебной власти начали придавать законодательный характер.

В 1996 г. был подготовлен проект ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в соответствии с которым все суды, начиная с районного, были включены в федеральную судебную систему. Вводился принцип назначаемости всех федеральных судей Президентом РФ. Против такой централизации и демократизации судебной власти выступили не только многие специалисты, но и руководители субъектов РФ. Не согласившись с предложенной централизацией судов и «с целью восстановления существующих раннее прав, а также повышения роли региональных органов государственной власти в регулировании организации и деятельности судов, функционирующих на территории субъектов Российской Федерации», высшие должностные лица 16 республик Российской Федерации осенью 1998 г. направили в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке конституционности положений ч. 1-4 ст. 4, ч. 6 ст. 13, ч. 3 ст. 20 и ч. 3 ст. 21 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Но Конституционный Суд РФ в своем Определении от 12 марта 1998 г. признал конституционность данного Закона, что стало одним из первых его политico-правовых решений.

Согласно ч. 4 ст. 4 указанного ФКЗ судами субъектов РФ были признаны к/у суды и мировые судьи. Но последние по существу являются федеральными судами, поскольку: основу их организации и деятельности составляют федеральные законы; финансируются они из федерального бюджета; функционируют при федеральных судах, составляя первичное звено судов общей юрисдикции; осуществляют правосудие именем Российской Федерации. В соответствующих региональных законах о них говорится, что полномочия, порядок деятельности мировых судей устанавливаются Конституцией РФ, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Кроме того, Федеральный закон от 19 июня 2004 г. «О внесении изменений в статьи 1 и 10 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» внес существенные изменения в правовое регулирование статуса мировых судей субъектов Российской Федерации. Вопреки здравому смыслу, региональный законодатель утратил право устанавливать дополнительные гарантии материальной и социальной защиты для мировых судей, а также дополнительные требования к кандидату на должность мирового судьи, определять порядок отправления правосудия даже по административным делам. Усматривая в этом необоснованные попытки централизации судебной власти и нарушения судебного федерализма в федеральном государстве, я неоднократно выступал в центральной печати, в иных публичных выступлениях, в том числе на «круглом столе» по вопросам института мировых судей, организованного 16 апреля 2015 г. Комитетом Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению с целью сохранения статуса мировых судей как института судебной власти субъектов Российской Федерации. Увы, когда закон одолевает политика, тогда законность уступает место революционной целесообразности.

Полное разрушение судебного федерализма и окончательная централизация судебной власти субъектов РФ произошли последними конституционными новеллами. Так, согласно ч. 3 ст. 118 Закона Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации» от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» мировые судьи были включены в федеральную судебную систему, а п. 2 ст. 4 ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» не предусматривает их среди органов государственной власти субъекта РФ. Тем не менее федеральный законодатель продолжает именовать их «мировыми судьями субъектов РФ», дабы придать видимость наличия региональной судебной власти и тем самым попытаться обеспечить еще принцип разделения государственной власти и сохранить благопристойный вид. Это напоминает мне известный библейский сюжет с фиговым листочком...

Региональную судебную власть реально представляли и могут представлять к/у суды субъектов РФ. Они же в значительной степени способствовали становлению регионального конституционализма. Так, Конституционный суд РСО-Алания ежегодно проводили научно-практические конференции о Конституции и конституционной законности. Судьи и сотрудники аппарата Конституционного суда РСО-Алания проводили большую работу о правовом просвещении населения. Организовали республиканский конкурс среди школьников на лучшее знание Конституции и по итогам этого конкурса подготовлены два иллюстрированных журнала «Конституция глазами детей».

В истории Конституционного суда РСО-Алания имел место и такой поучительный случай, некий гражданин обратился в суды общей юрисдикции с заявлением на осетинском языке, в связи с чем не рассматривал его жалобу. После этого он обратился в Конституционный суд РСО-Алания, который со ссылкой на Конституцию РСО-Алания, закрепившей государственными языками осетинский и русский весь судебный процесс провёл на национальном языке.

Все вышеизложенное и ряд иных видов деятельности суда, в частности приём граждан, выступление в СМИ и т.д. оказали явно позитивное влияние на повышение конституционного правосознания граждан и тем самым способствовали формированию регионального конституционализма.

Учеными-специалистами, в том числе автором этих строк, и практическими работниками в области конституционного правосудия на протяжении почти трех десятилетий в печати и на различных международных научно-практических конференциях приводились многочисленные аргументы в пользу организации и функционирования органов региональной конституционной юстиции, которые никем не оспаривались. Неслучайно, в Постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 17 декабря 2016 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития в 2012-2016 годах» по моему настоянию, как члена Президиума Совета судей РФ, было включено положение о том, что «незаслуженно без внимания остаются конституционные (уставные) суды субъектов РФ, которые играют роль дополнительного гаранта прав граждан, в том числе на судебную защиту».

Несмотря на вышеизложенное, согласно ст. 5 ФКЗ от 8 декабря 2020 г. «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы», к/у суды упразднены. В прошлом, в соответствии с ч. 1 ст. 27 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», они могли создаваться «субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации». Поскольку эти суды ныне упразднены, то следует считать, что *поставленные перед ним задачи решены или уже не актуальны*. И то и другое утверждение не соответствуют действительности, ибо они столь же постоянны, сколь законотворческий процесс, где неизбежны ошибки, как и в любом ином виде трудовой деятельности.

Эту простую истину следует осознать российским законодателям, как и то, что там где есть законодательная власть, должна быть и контрольная власть. Причем каждому уровню законодательной власти должен соответствовать свой уровень конституционного контроля.

По-видимому, Государственная Дума РФ, пытаясь избежать упреков в централизации государственной власти, а также с целью восполнить образовавшийся вакуум в системе региональной контрольной власти, предусмотрела в ст. 7 ФКЗ «О внесении изменений в от-

дельные федеральные конституционные законы» норму о том, что «субъекты Российской Федерации вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации». Такая абсурдная, гибридная, к тому же усеченная правовая норма ни в одном зарубежном законодательстве не предусматривается, поскольку абсолютно не соответствует известному принципу разделения государственной власти. Кроме того, в отличие от к/у судов субъектов РФ, не определены цели и задачи конституционных (уставных) советов субъектов РФ.

В связи с этим возникает вопрос к авторам данной нормы, а также к депутатам, голосовавшим за ее принятие: чем они руководствовались и мотивировали свое решение о возможности создания нового государственного органа? К тому же налогоплательщик вправе знать, с какой целью он должен финансировать создание и деятельность любого органа власти. В данном случае эта проблема особенно остро встает, поскольку в любом законодательном органе субъекта РФ уже существует комитет по законодательству, а также правовой отдел, которые дают заключение о конституционной законности законопроекта.

В чем же смысл создания предлагаемого подразделения регионального Парламента? На мой взгляд, законодательная норма о конституционных (уставных) советах субъектов РФ в нынешнем виде может стать предметом прокурорского реагирования или коллективного обращения председателей к/у судов субъектов РФ в Конституционный Суд РФ на предмет соответствия ее Конституции РФ. При этом следует иметь в виду, что специалисты, исследовавшие основания прекращения деятельности к/у судов субъектов РФ, пришли к однозначному выводу, «что существующая практика их упразднения является не только незаконной, но и не конституционной» [6, с. 132].

Новый государственный орган имеет право на существование и он учрежден в зарубежных странах, но как самостоятельный квазисудебный орган власти. Отмечу, что еще в конце XIX века предлагалось создание специализированного, децентрализованного и самостоятельного органа контрольной власти [7, с. 25-30]. Как писал один из отцов Конституции США А. Гамильтон, законодательный орган не должен быть судьей в собственном деле. Со временем был сформулирован общеправовой принцип: «никто не может быть судьей в собственном деле». Федеральная законодательная власть данный принцип проигнорировала, не пытаясь даже мотивировать свое решение.

Это нарушение федеральных конституционных норм о федеративном правовом характере Российского государства (ст. 1 Конституции РФ); осуществление государственной власти в Российской Федерации на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ); осуществление государственной власти субъектами РФ через образуемые ими органы государственной власти (ст. 11 Конституции РФ).

Многократные официальные обращения, как коллективные (обращение участников расширенного заседания Консультативного Совета председателей органов конституционного (уставного) контроля в РФ к Президенту РФ, депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации, Федерального Собрания РФ, высшим должностным лицам, органам законодательной и исполнительной власти субъектов РФ от 18 января 2001 г.), так и индивидуальные (Цалиев А.М. Обращение к Генеральному прокурору Российской Федерации Ю.Я. Чайке. (Журнал конституционного правосудия № 5 (53) 2010.), в адрес федеральных и региональных органов государственной власти с предложением ускорить образование к/у судов субъектов РФ не дали положительного результата. В данном вопросе эти судебные органы, а также те, кто ратовал за их повсеместное создание в регионах, особую надежду возлагали на инициативу Председателя Конституционного Суда России В.Д. Зорькина. Но, увы...

В результате сложившихся обстоятельств, говоря языком аллегории, уже идут похороны конституционных (уставных) судов субъектов РФ и тем самым судебного федерализма, но согласно указанному ФКЗ, этот процесс должен завершиться к 1 января 2023 г. Однако если учесть неумное и консолидированное желание федеральной судебной и законодательной власти, то этот процесс должен завершиться раньше. Об этом свидетельствует и тот факт, что проект Федерального закона «О конституционных (уставных) судах субъектов РФ», инициированный и разработанный мною и поддержанный Парламентом РСО-Алания и внесенный в Государственную Думу РФ 8 мая 2014 г. через два дня, без всякого обоснования, получил резко отрицательную оценку от специалистов Госдумы, опубликованную уже 12 мая в г. «Коммерсантъ». Такая оперативность не всегда удается даже спецслужбам.

С учетом изложенного очевидно, что происходит необоснованное ограничение региональной государственной власти. А если еще учесть, что на местах большинство органов государственной власти представлены территориальными органами федеральных государственных органов в лице правоохранительных, силовых, контрольно-надзорных и иных органов власти, то вполне естественно возникает риторический вопрос о полноте государственной власти субъектов РФ, особенно республик, которые в Конституции РФ, хотя и в скобках, названы государством и их отличии по правовому статусу от муниципальных образований, где также организованы и функционируют представительные и исполнительные органы власти. Отмечу, что игнорирование конституционно-правового статуса национально-государственных образований, история которых насчитывает не одно столетие – очень опасная тенденция в государственном строительстве федеративного государства. Она может, при соответствующих внутренних и внешних обстоятельствах детонировать общественно-политическую ситуацию в стране, чему есть многочисленные исторические примеры.

Таким образом, налицо назрела необходимость совершенствования организации государственной власти с учетом известного принципа разделения ее на три ветви власти и оптимального распределения властных полномочий между Российской Федерацией и составляющих ее субъектов с тем, чтобы придать российскому государству устойчивость и стабильность в своем развитии.

Литература

1. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1980.
2. Пфафф В.Б. Народное право Осетии // ССК. 1871.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886.
4. Свечникова Л.Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы // Государство и право. 1998. № 9.
5. Цалиев А.М. Важное событие в истории регионального конституционализма к 100-летию принятия 1-й Конституции Осетии // Вестник Владикавказского научного центра. 2018. Т. 18. № 4.
6. Современная модель государственной власти в Российской Федерации / Под. ред. А.Т. Каравеса. М., 2019.
7. Муромцев С.А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. 1898. Т. 1.

References

1. Kukushkin YU.S., CHistyakov O.I. Ocherk istorii Sovetskoj Konstitucii. M., 1980.
2. Pfaff V.B. Narodnoe pravo Osetii // SSK. 1871.

3. Kovalevskij M.M. Sovremennyj obychaj i drevnij zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. M., 1886.
4. Svechnikova L.G. Ponyatie obychaya v sovremennoj nauke: podhody, tradicii, problemy // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 9.
5. Caliev A.M. Vazhnoe sobytie v istorii regional'nogo konstitucionalizma k 100-letiyu prinyatiya 1-j Konstitucii Osetii) // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra. 2018. T. 18. № 4.
6. Sovremennaya model' gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii / Pod. red. A.T. Karaseva. M., 2019.
7. Muromcev S.A. Pravo i spravedlivost' // Sbornik pravovedeniya i obshchestvennyh znanij. 1898. T. 1.

– ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ –

УДК 93/94, 39

Т. Н. Оглезнева

Роль программ императорского русского географического общества в организации исследования этнографии народов Северо-Востока Азии

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Деятельность Императорского русского географического общества представляла новую ступень в развитии историко-этнографической науки по изучению Северо-Востока Азии. В статье представлено направление работы Общества в части привлечения общественности к планомерному собиранию историко-этнографического материала о народах региона при помощи разработки и распространения различного рода программ для собирания материала, которые формировали, кроме того, научный интерес к «народоведению», пропагандировали и организовывали этнографические изыскания, привлекали к работе большое число исследователей. Материалы, собранные в результате реализации программ, сохранили для науки уникальные ценные сведения.

Ключевые слова: Императорское русское географическое общество, народы Северо-Востока Азии, этнографические исследования, краеведение.

T. N. Oglezneva

The role of the programs of the imperial russian geographical society in organizing the study of the ethnography of the peoples of Northeast Asia

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The activities of the Imperial Russian Geographical Society represented a new stage in the development of historical and ethnographic science in the study of Northeast Asia. The article presents the direction of the Society's work in terms of attracting the public to the systematic collection of historical and ethnographic material about the peoples of the region by developing and distributing various kinds of programs for collecting material, which, in addition, formed a scientific interest in «ethnography», promoted and organized ethnographic research attracted a large number of researchers. The materials collected as a result of the implementation of the programs have preserved unique valuable information for science.

Keywords: Imperial Russian Geographical Society, peoples of Northeast Asia, ethnographic research, local history.

ОГЛЕЗНЕВА Татьяна Николаевна – к. и. н., доцент, зав. кафедрой гражданского права, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: tati.oglezneva@mail.ru

OGLEZNEVA Tatyana Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of civil law and process, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

С самого начала основания Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО) в 1845 году одним из наиболее успешных и эффективных каналов собирания и распространения наиболее полных и подробных этнографических сведений о стране являлось привлечение к работе частных лиц, энтузиастов, местных краеведов. В докладной записке Ф.Л. Литке министру внутренних дел Л.А. Перовскому «Об основании Русского географо-статистического общества» указывалось, что «как не велик запас сведений и данных, собранных официальным путем в правительственные местах, но едва ли не большее число их рассеяно в бесчисленном количестве частных источников.

Эти дробные сведения, приобретаемые частными людьми случайно или мимоходом, между другими занятиями, или их особенной наклонности, каждое порознь, не важны, но в совокупности, как здание, составленное из песчинок, бесспорно могут образовать одно замечательное целое, тогда как они ныне теряются невозвратно, иногда от скромности, чаще от нерадения, или от того, что обладающие ими не считают их довольно важными или не знают, куда к ним обратиться.

Спасти этот драгоценный, всегда живущий и беспрестанно возобновляющийся запас сведений, отыскивать, разрабатывать, объяснять и делать доступным и известным – это может быть совершено только общими усилиями многих сотрудников, соединенных именно для этой цели» [1, с. 32-33].

Для помощи и грамотного «направления» деятельности этнографических исследований, наиболее доступных для добровольных помощников ИРГО на местах – энтузиастов, краеведов из числа священников, местной интеллигенции, чиновников, врачей, учителей, купцов и других патриотов родного края, непосредственно соприкасавшимися с бытом народа, Общество разрабатывало и рассыпало различного рода программы. В 1847 году Отделение этнографии ИРГО под руководством известного литературоведа, этнографа, прогрессивного публициста Н.И. Надеждина составило специальную программу для изучения этнографии русского народа, представляющую собой своеобразное наставление для лиц, которые намеревались заняться наблюдением над народным бытом, или «народоописанием», к ведению которого относилось, по мнению Н.И. Надеждина, познание народного языка, или «этнографическая лингвистика»; антропология («физическая этнография») и так называемая «психическая этнография», то есть изучение духовной и материальной культуры народа. Программа в количестве 7000 экземпляров была разослана по всей России. Программа включала 6 пунктов: 1. Относительно наружности; 2. Язык; 3. Домашний быт; 4. Особенности общественного быта; 5. Умственные и нравственные способности и образование; 6. Народные предания и памятники [1, с. 146-147].

Несмотря на то, что программа относилась к изучению русского народа, она возбудила интерес и среди исследователей этнографии других народов России. Однако из-за относительной малочисленности и неполноты поступивших материалов, обусловленных недостаточной разработанностью программы применительно к изучению этнографии других народов, оказалось невозможно сделать что-либо цельное и объемное. Поэтому встал вопрос о выработке более полной программы для описания «инородческих» племен России. Этот труд выполнил в 1850 г. известный ориенталист П.С. Соловьев и в 1858 г. обширный и разнообразный собранный по этой программе материал был опубликован в издании ИРГО «Этнографическом сборнике» [2].

В 1852 году на заседании Отделения этнографии ИРГО была рассмотрена и признана вполне удовлетворительной программа Сибирского отдела ИРГО (далее – СОИРГО) по этнографическим исследованиям. Отделение также просило членов СОИРГО рассмотреть этнографическую программу, изданную ИРГО для местных наблюдений и дополнить ее замечаниями, имеющими непосредственное отношение к Сибири [3].

Важным полезным пособием для энтузиастов, поддерживающих деятельность Общества, стала «Программа для исследования округов», представленная в 1852 году правителем дел СОИРГО, будущим гражданским губернатором Якутской области (1857-1864 гг.) Ю.И. Штубендорфом. Программа была достаточно обширной и обстоятельной, включала вопросы изучения местности (границы, административное деление, управление, территория, географические характеристики, пути сообщения, наличие полезных ископаемых, климат и т.д.), населения (численность, материальная и духовная культура, движение народа-населения, деление жителей по званиям и месту жительства, образованность); должны были характеризоваться также промышленность и сельское хозяйство округов [4]. Программа пыталась охватить все стороны жизни одного округа и в идеале предполагала полное описание Сибири, но все же была излишне детализирована, и поэтому работа по ней оказалась слишком трудоемкой. Лучшим методом, как считал Ю.И. Штубендорф, послужили бы подробные описания не целых округов, а частей их: городов, волостей, улусов и т.д.

«Программа описания округов» была отправлена, в частности, окружным исправникам Якутской области с просьбой о содействии в доставлении этнографического материала, а также открытыму в 1853 году Якутскому областному статистическому комитету с желанием «всем членам Статистического комитета, чтобы всякий из них выбрал предмет для описания по знанию своему местностей, согласно обстоятельствам. И этим содействовать целям сибирского отдела...» [5], который незамедлительно занялся распространением программы. О результативности и успешном применении программы говорит, например, тот факт, что в СОИРГО поступили «Описание Колымского округа» колымского окружного исправника Ф.К. Хмелевского; «Описание округов Якутской области» областного землемера А.М. Степанова, прочитав которое Ю.И. Штубендорф отмечал, что работа эта была написана на основе данных, собранных в течение многих лет путем личных наблюдений, а также самостоятельность, прилежность и опытность автора описания [6]. «Описание Вилойского округа» [7] долгое время прослужившего вилойским окружным исправником П.Э. Кларка было отмечено в 1865 году серебряной медалью ИРГО. В 1852 году в члены-сотрудники СОИРГО был избран протоиерей Д. Хитров (Хитрово), сделавший по результатам своих наблюдений «Описание Жиганского улуса» [8], которое долгое время было одним из значительных трудов по изучению Верхоянского округа, содержащим уникальные сведения о крае. Авторы этих и других работ частично или полностью следовали рекомендациям программы Ю.И. Штубендорфа. Нужно отметить, что этнографические наблюдения в «Описаниях...» занимали значительное место и были весьма интересны.

В 60-е годы XIX века в связи с усилением интереса к народоведению работа по составлению программ получает новый импульс, приобретает более конкретный характер. Программы становятся более специализированными; обращается внимание на отдельные разделы этнографии. Так, в 1861 году Отделение этнографии ИРГО вновь обращается к вопросу о специальной программе для описания «инородцев». Комиссия по ее разработке предлагала включить такие вопросы, которые дали бы нужные для ИРГО сведения, и указывали, чем следует руководствоваться при работе на местах. Предполагалось издать карманные книжки для лиц, занимающихся этнографией «инородцев». И хотя это издание не состоялось, программные установки оказались полезными. Они включали следующие пункты:

1. Требования этнографической науки вообще и в особенности относительного коренного населения России.
2. Языкоизнание в своем отношении к этнографии.

3. Обозрение языков инородцев России и краткая характеристика их с морфологической точки зрения.

4. Фонетические особенности отдельных коренных языков России с приложением примеров из текстов, записанных изустно и с приложением списка пособий к изучению этих языков. Приспособление русского алфавита к записи инородческих текстов.

5. Обозрение инородцев России: а) по родству; б) по образу жизни, вместе с указанием на степень знакомства с ними с научной точки зрения и с присовокуплением библиографии существующих материалов к изучению народностей.

6. Значение сравнительного изучения языков, сказок, пословиц, поговорок и загадок.

7. Алфавитный указатель инородческих племен и народов и предметный указатель» [9].

Очевидно, что в деятельности ИРГО оформлялись и начинали занимать большое место сравнительные лингвистические и фольклорные исследования, что имело позитивное значение для сохранения языков народов России.

Реформы 60-х гг. выдвинули на первый план задачу изучения народных юридических обычаев. Уже в общей программе для собирания этнографических сведений 1847 года было отведено место для юридических обычаев в разделе об особенностях юридического быта. В 1864 году под руководством крупного специалиста в области обычного права, юриста Н.В. Калачова была составлена и разослана специальная программа для сбора сведений по народным юридическим обычаям [10], направленная, помимо прочего, на выяснение состояния и уровня общественного строя народов. Переработанная П.А. Матвеевым, она была издана в 1877 году под названием «Программа для собирания народных юридических обычаев». Главное требование, которое предъявлялось при ответах на программу – это наибольшая достоверность сведений. Программа успешно разошлась, так, например, она поступила ко всем окружным исправникам Якутской области, другим должностным лицам [11]. В нее вошли вопросы по уголовному праву, по судопроизводству. Более половины программы составляло изучение гражданских правоотношений, так как именно в этой области преимущественно отражались народные правовые убеждения по вопросам о семье, наследстве; относительно имущественных прав и обязанностей. В отделе о собственности содержались пункты об общем землевладении.

Большое место в этнографических исследованиях отводилось изучению религиозных представлений, сущности и роли шаманизма, его связи с развитием и уровнем общественного строя. Программными документами для исследователей стали обстоятельная «Программа для собирания сведений о сибирском шаманстве», составленная и изданная в 1880 году выдающимся русским ученым, идеологом сибирского областничества Г.Н. Потаниным, и «Программа для изучения шаманства», разработанная в 1883 году сибирским археологом, этнографом, натуралистом Н.Н. Агапитовым [12]. Этими материалами снабжались авторы солидных монографий, участники экспедиций, краеведы., все желающие заняться этой проблемой.

Г.Н. Потанин составлял и другие программы, как то: «Несколько вопросов по сравнительному изучению животного и мифического эпосы у народов севера Сибири», «Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаяв и обрядов у сибирских инородцев» [13].

«Опыт систематической программы для изучения дохристианских верований якутов» революционера –народника, этнографа В.Ф. Троццанского [14] был напечатан в Казани под эгидой Общества этнографии, истории и археологии при Императорском Казанском университете, но за счет Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Позже по инициативе выдающегося российского и советского лингвиста и этнографа Э.К. Пекарского программа была издана в журнале «Живая старина».

Отделение этнографии ИРГО и отделы ИРГО издавали и другие программы, пополнившие этнографический материал [15].

Составление и распространение программ по этнографическим исследованиям имело важное значение: во-первых, они констатировали состояние этнографии в конкретный период, определяли проблемы науки, изучение которых выходило на первый план; во-вторых, они создавали возможность привлечения к работе как можно большего числа исследователей; тех лиц, которые были способны к научным изысканиям – по служебному положению, в результате долгого проживания в крае; особенно незаменимы они были для энтузиастов-краеведов, большинство из которых не являлись специалистами-этнографами, то есть программы играли также организационную и просветительскую роль. Наконец, исследовательские программы различного рода смогли сосредоточить и сохранить для науки огромный конкретно-исторический материал, массу ценных, уникальных этнографических данных, с успехом используемых и по сей день современными исследователями.

Литература

1. Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. 1845-1945 гг. – Москва – Ленинград: изд-во АН СССР, 1946. –263 с.
2. Этнографический сборник. – СПб. , 1858. – Вып. 4.
3. Вестник ИРГО на 1853 г. – Ч. 7, кн. 1. – Засед. отд. этнографии.
4. Государственный архив Иркутской области, ф. 293, оп. 1, д. 1, лл. 143-150.
5. Национальный архив Республики Саха (Якутия), ф. 343-и, оп. 1, д. 1, л. 17.
6. Записки СОИРГО. – 1856. – Кн. 1. – Отд. 2. – С. 26.
7. Записки СОИРГО. – 1864. – Кн. 7. – С. 91-165.
8. Записки СОИРГО. – 1856. – Кн. 1. – С. 53-85.
9. Государственный архив Иркутской области, ф. 293, оп. 1, д. 1, л. 92.
10. Этнографический сборник. – 1864. – Вып. 6. Приложение. – С. 18.
11. Национальный архив Республики Саха (Якутия), ф. 343-и, оп. 1, д. 130, л. 62-63, 70.
12. Опыт программы для изучения верований инородцев Сибири. – Иркутск, 1884.
13. Известия ИРГО. – 1880. – Т. 16. Приложение. С. 1-3; Т. 17. Приложение. С. 1-3.
14. Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов/Сост. В. Ф. Троцанский. Казань: типо-литография Императорского Университета, 1895. (Перепечатано: «Живая старина». – 1911. – Вып. 2. – С. 247-292).
15. Программа для собирания сведений по этнографии // Живая старина. – 1890. – Вып. 1. – С. XVII; Программа для собирания сведений по этнографии. – СПб., 1899; Волков Ф. Программа для собирания сведений о свадебных обрядах у великоруссов и инородцев восточной Сибири // Живая старина. – 1911. – Вып. 1. – С. 27-30; Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. – СПб., 1909, 1911;
16. Пекарский Э.К., Майнов И.И. «Программа для исследования домашнего и семейного быта якутов» // Живая старина. – 1913. – Вып. 1-2. – С. 117-136; Мелков А. Несколько указаний для собирания детских народных игр // Живая старина. – 1916. – Вып. 4. – Приложение № 6.

References

1. Berg L.S. Vsesoyuznoe geograficheskoe obshchestvo za sto let. 1845-1945 gg. – Moskva – Leningrad: izd-vo AN SSSR, 1946. –263 s.
2. Etnograficheskij sbornik. – SPb., 1858. – Vyp. 4.
3. Vestnik IRGO na 1853 g. – CH.7, kn.1. – Zased. otd. etnografi.
4. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti, f.293, op.1, d.1, ll.143-150.
5. Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (YAkutiya), f.343-и, op.1, d.1, l.17.
6. Zapiski SOIRGO. – 1856. – Kn.1. – Otd.2. – S.26.
7. Zapiski SOIRGO. – 1864. – Kn.7. – S.91-165.
8. Zapiski SOIRGO. – 1856. – Kn.1. – C.53-85.

9. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti, f.293, op.1, d.1, l.92.
10. Etnograficheskij sbornik. – 1864. – Vyp.6. Prilozhenie. – S.18.
11. Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (YAkutiya), f.343-i, op.1, d.130, 1.62-63, 70.
12. Opty programmy dlya izucheniya verovanij inorodcev Sibiri. – Irkutsk, 1884.
13. Izvestiya IRGO. – 1880. – T.16. Prilozhenie. S.1-3; T.17. Prilozhenie. S.1-3.
14. Opty sistematiceskoj programmy dlya sobiraniya svedenij o dohristianskih verovaniyah yakutov/ Sost. V. F. Troshchanskij. Kazan': tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta, 1895. (Perepechatano: «ZHivaya starina». – 1911. – Vyp. 2. – S. 247-292).
15. Programma dlya sobiraniya svedenij po etnografii // ZHivaya starina. – 1890. – Vyp.1. – S. XVII; Programma dlya sobiraniya svedenij po etnografii. – SPb., 1899; Volkov F. Programma dlya sobiraniya svedenij o svadebnyh obryadah u velikorussov i inorodcev vostochnoj Sibiri // ZHivaya starina. – 1911. – Vyp.1. – S. 27-30; Programma dlya sobiraniya svedenij, neobhodimyh dlya sostavleniya dialektologicheskoy karty russkogo jazyka. – SPb., 1909, 1911;
16. Pekarskij E.K., Majnov I.I. «Programma dlya issledovaniya domashnogo i semejnogo byta yakutov» // ZHivaya starina. – 1913. – Vyp. 1-2. – S.117-136; Melkov A. Neskol'ko ukazanij dlya sobiraniya detskih narodnyh igr // ZHivaya starina. – 1916. – Vyp. 4. – Prilozhenie № 6.

С. И. Сивцева, В. С. Акимова, Т. Т. Курчатова

Принудительная ссылка на край земли: спецпоселенцы в Якутии в 1940-е годы

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье на основе преимущественно архивных документов рассматриваются численность, состав принудительно высланных на поселение в Якутию людей с западных территорий СССР в годы Второй мировой войны. Представлены данные о тяжелых условиях жизни и быта, труда спецпоселенцев – литовцев, поляков, немцев – и их адаптации к суровым природно-климатическим условиям Крайнего Севера, о высокой смертности среди них. Новизна видится в том, что в исследовательский оборот включены архивные документы, оказывающие влияние не только на формирование исторического представления об определенном этапе истории российского общества, но и на реконструкцию картины исторической памяти. Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия большой интерес представляют вопросы функционирования тоталитарной системы в СССР, принудительной миграции, памяти о депортациях, как научный дискурс. Делается вывод, что открытие материалов государственных архивов позволяет получить широкий доступ к малоизученным аспектам насилиственной политики, показать статичность системы и социальные последствия депортаций.

Ключевые слова: Депортация; спецпоселенцы; категории спецпоселенцев; Вторая мировая война; Якутия; Север; экстремальные условия жизни и труда; голод; смертность.

СИВЦЕВА Саассылана Иннокентьевна – д. и. н., профессор кафедры преподавания истории, обществознания, политологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: sivlana@list.ru
orcid.org/0000-0003-4044-0580

SIVTSEVA Saassylana Innokentievna –Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Teaching History, Social Studies, Political Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

АКИМОВА Валентина Семеновна – к. и. н., доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: valentina006@mail.ru

AKIMOVA Valentina Semenovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World, National History, Ethnology, Archeology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

КУРЧАТОВА Тамара Тимофеевна – к. и. н., доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: kurchatova@yandex.ru
orcid.org/0000-0001-9387-7124

KURCHATOVA Tamara Timofeevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World, National History, Ethnology, Archeology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

S. I. Sivtseva, V. S. Akimova, T. T. Kurchatova

Forced exile to the edge of the earth: special settlers in Yakutia in the 1940

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Based on mainly archival documents, the article examines the number and composition of people forcibly deported to a settlement in Yakutia from the western territories of the USSR during the Second World War. Data are presented on the difficult living conditions and work of special settlers – Lithuanians, Poles, Germans – and their adaptation to the harsh natural and climatic conditions of the Far North, on high mortality among them. The novelty is seen in the fact that the research turnover includes archival documents that influence not only the formation of a historical understanding of a certain stage in the history of Russian society, but also the reconstruction of the picture of historical memory. The relevance of the study is due to the fact that in recent decades, the issues of the functioning of the totalitarian system in the USSR, forced migration, and the memory of deportations as a scientific discourse have been of great interest. It is concluded that the opening of materials from state archives makes it possible to gain wide access to little-studied aspects of violent politics, to show the static nature of the system and the social consequences of deportations.

Keywords: Deportation; special settlers; categories of special settlers; The Second World War; Yakutia; North; extreme living and working conditions; hunger; mortality.

1. Введение

XX век в российской истории был отмечен принудительными депортациями людей и целых народов. В Якутию были высланы разные категории так называемых спецпоселенцев: «бывшие кулаки» (раскулаченные крестьяне, высылаемые вследствие проводимой колхозификации; с начала 1930-х гг.); поляки – «беженцы» (в 1940 г.; жители, бежавшие из оккупированной гитлеровцами Польши); народы Прибалтики, финны, немцы (в годы Второй мировой войны; подробнее см. далее); «власовцы» (участники антисоветских воинских формирований, действовавших на стороне фашистской Германии); «оуновцы» (участники ОУН – организации украинских националистов); «указники» (выселенные по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» от 1 июня 1948 г.), интернированные с территории Польши, а также из Крыма, Северного Кавказа, Грузии, Калмыкии, Молдавии (1946-1959 гг.) [Бугай, 1995, с. 12-13, 191-192; Сивцева, 2000, с. 45, 51, 55-56].

Необходимо отметить, что на территориях, определяемых для спецпоселений, принудительно высылаемые расселялись с учетом «опасности каждой группы». Поэтому в отдаленные районы Восточной Сибири и в Якутию высылались, как правило, спецпоселенцы, подпадавшие под наиболее «тяжелые» и «опасные группы» [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 527, л. 3].

До войны причинами выселения людей в Якутию были, главным образом, превентивные меры, направленные против высланных из пограничных областей Украины и Белоруссии – «социально-опасных элементов» или СОЭ [Чернолуцкая, 2011, с. 71], а также по отношению к полякам (1940 г.) и к литовцам, финнам, немцам (с мест первой высылки они были отправлены в Якутию в 1942 г.). После войны причины ссылки людей уже были другими – карательными для немцев, «власовцев» и «оуновцев». К тому же, экономический фактор – возможность использовать «дешевую рабочую силу», – сыграл здесь далеко не последнюю роль. Это подтверждается структурой отчетов (ежемесячных, квартальных, полугодовых, годовых) надзорных органов НКВД (Народного комитета внутренних дел),

где главными критериями были трудовое использование, трудоспособность, физическая пригодность, а затем уже – условия жизни и быта, настроения принудительно высланных. Кстати, последние (настроения) собирались осведомителями, внедренными в среду спецпоселенцев или таковых вербовали из среды самих переселенцев.

Наряду с вышеуказанными причинами, вероятно, существовали и другие. В частности, В.Н. Земсков пишет о политике ускорения ассимиляционных процессов в стране с целью борьбы с «национальной пестротой» государства, и в данной связи выселение с исторической Родины малых народов должно было ускорить этот процесс [Земсков, 2005, с. 107].

Тема изучения условий жизни, быта и труда спецпереселенцев 1940-х гг. в Якутии до недавнего времени не являлась предметом специальных исследований в отечественной историографии. Некоторые аспекты данной темы затрагивались исследователями в связи с рассмотрением вопросов организации трудовых лагерей, спецпоселений, ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны и т.д. [Земсков, 1990; Бердинских, 2005; Бугай, 1995; Горохов, 1998; Сивцева, 2000, Чернолуцкая, 2011 и др.]. Многие события тех времен по-прежнему интересны и открываются вновь для исследователя, вызывая научный дискурс. Особенно сейчас, в условиях современной российской действительности, когда открыт доступ к архивным материалам. Современная историография вопроса представлена работами, посвященными, главным образом, региональной тематике [Башкуев, 2009; Лобченко, 2006; Хамфри, 2019; Щеглова, 2021].

Необходимо отметить, что в документальных источниках с 1949 г. термин «спецпереселенцы» выходит из употребления, постепенно замещаясь словом «спецпоселенцы» [Земсков, 2005, с. 161]. Соглашаясь с позицией В.Н. Земскова, все категории принудительно высылаемых нами объединяются под термином «спецпоселенцы».

Приоритетными методами изучения выбранной темы явились принципы комплексного подхода к изучаемой проблеме как важнейшего условия поиска исторической истины, рассмотрения явлений и процессов в тесной связи с конкретно-исторической обстановкой, а также общими приемами исторического анализа, обусловленными особенностями истории как науки. Были использованы методы сравнительно-исторический, историко-типологический, проблемно-хронологический, историко-географический, индукции, дедукции, синтеза и анализа и др.

2. Условия депортации народов в Якутию

Еще в 1930-е годы Южная Якутия (Алдан) приняла на спецпоселение принудительно высылаемых так называемой категории трудпоселенцев, «бывших кулаков». Численность их составила в 1931-1933 гг. 5,6 тыс. человек [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 298, л. 166]. Однако, по сути, это были «неблагонадежные», высланные из пограничных районов (22-километровой зоны) Украины и Белоруссии, их еще называли «социально-опасные элементы» (СОЭ) [Чернолуцкая, 2011, с. 71]. Трудились переселенцы на золотодобыче, развивали сельскохозяйственное производство. К январю 1941 г. численность «бывших кулаков» (СОЭ) определялась в 3,8 тыс. человек [Сивцева, 2000, с. 63].

В годы Великой Отечественной войны спецпоселенцы – «бывшие кулаки» призывались на фронт. Известно о 404 чел. мобилизованных из Якутии на боевой фронт. Как правило, семьи мобилизованных имели право на досрочное освобождение, восстановление в правах. Так, по приказу НКВД СССР № 002303 от 22.10.1942 г. было освобождено 600 женщин и детей спецпоселенцев, находящихся на службе в армии [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 298, л. 166].

Накануне Великой Отечественной войны, в 1940 году, также на юг Якутии, на золотодобычу и лесозаготовку, было выслано более 4 тысяч поляков (см. далее).

Начавшаяся Великая Отечественная война вызвала принятие ряда жестких решений, в том числе по проблеме продовольственного обеспечения фронтовиков. 6 января 1942 г.

по реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» планировалось перевести 41 тыс. спецпоселенцев (вместе с членами семей 120 тыс.) в районы низовьев рек Обь, Лена, Енисей, Яна, Индигирка, Колыма и северной части оз.Байкал. Однако короткий навигационный период, невозможность мобилизации крупнотоннажных судов для перевозки такого количества людей не позволили полностью воплотить план в жизнь, число переселяемых было сокращено. Интересно, что планировавшие масштабную операцию по переброске людей на рыбодобычу были осведомлены, что людей придется оставлять буквально на произвол судьбы – в документах констатируется, что когда они окажутся на местах, осенью, – это будет «конец навигации и лова» (а значит, люди окажутся без заработка и средств к существованию), и без крыши над головой, так как для них не предусмотрена хоть какая-то организация расселения. Констатировалось, что для всех переселенных потребуется 15 тыс. домов из расчета по две семьи на один дом, что заведомо было невыполнимо – «такое количество домов построить в течении одного сезона при отсутствии на местах какой-либо строительной организации, а также строительного леса невозможно» [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 73, л. 69-72].

Тем не менее, людской поток в республику по реализации данного постановления оказался значительным. На Крайний север Якутии были депортированы более 9 тысяч литовцев, финнов, немцев и др. Перед ними ставилась задача освоения рыбных промыслов и добычи рыбы на Крайнем Севере Якутии, у Ледовитого океана.

В число высылаемых по этому постановлению попали выселенные из Литвы члены семей бывших активных участников националистических, контрреволюционных организаций, приговоренных к высшей мере наказания, бывших офицеров, охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков, крупных помещиков, фабрикантов, чиновников, члены семей беженцев из Польши, отказавшиеся принять советское гражданство, а также члены семей лиц, депатрированных из Германии и немцев, записавшихся на депатриацию [Бугай, 1995, с. 187-188]. Они были высланы из Литвы 14 июня 1941 г. Многие из них осенью 1942 г. проживали в Алтайском крае (они успели посадить и вырастить картофель, немного обжиться на новом месте), а в 1942 г. были подвергнуты вторичной депортации в Якутию [ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 155, л. 9]. В начале 1943 г. число высланных в Якутию литовцев составило 3,9 тысячи [Сивцева, 2000, с. 63].

Прибалтийский историк Х. Лиги пришел к заключению, что общее количество людей, подвергшихся высылке из Прибалтийских республик к 1949 г. могло составить 20702 человека [Лиги Х., 1989]. Местное население отчаянно противоборствовало высылке, на местах отмечались случаи убийства. Некоторые убегали, пропадали без вести. По подсчетам С. Сандлер с середины июня 1940 г. по август 1941 г. по Литве и Латвии было убито 1850 человека, арестовано 7043, мобилизовано в трудовые лагеря 38303 человек [Сандлер С., 1990]. Исследователь В.Н. Земсков пишет о депортации с территорий Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины с момента включения их в состав СССР и до начала Великой Отечественной войны 380-385 тыс. человек [Земсков, 2005, с. 91]. О более 300 тысячах пишет и В.А. Бердинский [Бердинский, 2005, с. 62].

По указу Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и постановлению Военного Совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. об эвакуации финского населения из Ленинградской области (г. Ленинграда и Ораниенбаумского, Парголовского, Всеволожского, Токсовского районов) были высланы финны, немцы, русские и др. По данному указу финны были эвакуированы только частично [ГА РФ, ф. 9479, д. 108, л. 18; д. 118, л. 143]. В отношении же всех финнов, проживавших в Ленинграде

и области, затем было повторно принято решение Военного совета Ленинградского фронта от 9 марта 1942 г. [Бугай, 1995, с. 191], их высылка в Якутию была осуществлена 9 и 20 марта 1942 г. [Архив МВД РС (Я). Картотека спецпереселенцев]. Финн Тойко Флинк в статье «Мы еще живы» писал о высылке 25 тысяч ингерманландских финнов, которые оказались в Ленинградской блокаде в качестве спецпереселенцев, которых в течение суток вывезли по «дороге жизни» в Сибирь [Флинк Т., 1990, с.129]. Другой исследователь Эйко Карху свидетельствовал, что в глубинные области страны из Ленинградского кольца были эвакуированы 10 тыс. ингерманландцев [Карху Э., 1990, с. 55]. Все выселенные в 1942 г. из Ленинграда и его окрестностей в порядке принудительной эвакуации, ингерманландцы – финны, подпадали под категорию административно высланных, без права возвращения на свою историческую родину. В марте 1946 г. число депатрированных ингерманландцев (с семьями) из Финляндии составило 55 942 [Земсков, 2005, с. 96]. В Якутии их число к началу 1943 г. составило 3,7 тысячи.

Среди людей, попавших в список спецпоселенцев в Якутию на рыбодобычу, были и 617 человек немецкой национальности (основная их часть прибыла уже после реализации постановления «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» 1942 г.) [Сивцева, с. 56]. Немцы обвинялись в том, что среди них «имеются» десятки тысяч шпионов, которые по сигналу из Германии должны были проводить диверсионные работы в различных регионах страны. Определяющим признаком была национальность, и даже герои гражданской войны, и старые члены партии, но немцы – отправлялись в ссылку [Солженицын А., 1989, с. 86]. Спецпоселенцы немецкой национальности были депортированы на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 августа 1941 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., Приказа НКВД от 30 августа 1941 г. – из Ленинградской области, из республики Немцев Поволжья, Стalingрадской и Саратовской областей и т.д. В 1942 г. в Якутию немцы прибыли из Ленинградской области (вместе с финнами) и из республики Немцев Поволжья (вместе с литовцами из Алтайского края), в 1943 – 1945 гг. из мест первоначального поселения: Алтайского края, Кемеровской области и др. [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 141, л. 45, 52, 75, 226; д. 187. л. 5]. К январю 1946 г. в Якутии было зарегистрировано 5,3 тыс. высланных немцев [Сивцева, 2000, с. 63]. Известно, что за все время войны по стране было насилиственно перемещено 949 829 немцев [Земсков, 2005, с. 94].

Судьба высланных на рыбодобычу людей оказалась трагичной, особенно потому, что среди них было значительное число ни в чем неповинных малолетних детей.

Ввиду того, что спецпоселенцы в основном состояли из нетрудоспособных людей для работы в рыбной промышленности в условиях севера, сложившаяся ситуация вызывала беспокойство республиканских властей. Так, в телеграмме от 12 июня 1942 г., адресованной в Осетрово Кравцову, Нарком внутренних дел ЯАССР Савинов пишет: «Сообщите откуда едут спецпереселенцы. Через них выясните не было ли в пути следования частичной выгрузки людей этих эшелонов. Наличие большого количества детей, женщин вызывает сомнение не остались ли по пути мужчины где, в какой области» [Архив УФСБ РФ по РС (Я)), ф.2, оп.1, д.5, л.68]. Секретарь Якутского Обкома ВКП(б) Степаненко сообщил в ЦК ВКП(б) Андрееву о том, что УНКВД по Иркутской области направляет на рыбные промыслы в Якутию большей частью иждивенцев: в первой партии, состоящей из 1173 чел., мужчин было 44, стариков старше 55 лет – 76, женщин – 586, детей – 467, а во второй партии (296 чел.) мужчин и стариков насчитывалось 39, женщин – 129, детей – 128. Исходя из состава прибывающих констатировалось следующее: «...Рыбтрест получает не работников рыбозаводов, а нетрудоспособных людей...» [Сивцева, 2000, с. 96]. Предполагалось, что трудоспособных отбирали в Иркутске. Поэтому телеграмма из г. Якутска заканчивала

лась так: «...Просим категорически запретить отбор иркутскими организациями трудоспособных переселенцев. В противном случае само переселение теряет смысл...». На сообщение была наложена резолюция Берия: «...Доложите почему так происходит. 20.06.1942 г.» [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.109, л.140] (это выглядит явной отпиской!).

В целом, органы НКВД и лица, непосредственно занятые в процессе переселения людей, подошли к данной проблеме как к заданию военного времени, жестко и непримиримо. Факты большой смертности в пути детей, людей преклонного возраста и женщин завуалированы в следующей переписке (в телеграммах):

«5 июля последней партией должны были поступить в п. Осетрово 900 человек – перевезено 813. Это всё?» (17 августа 1942 г. НКВД ЯАССР, Савинов).

«...Больше в пути нет. 813 человек – последние» (Иркутск. УНКВД, Дешковец) [Архив УФСБ РФ по РС (Я), ф.2, оп.1, д.5. л.9].

Таким образом, по пути из г. Иркутска до п. Осетрово (по р. Ангаре и небольшому участку суши) из эшелона в 900 человек, вероятно, погибло (или бежало) 87 человек. Люди, пережившие зиму в изгнании, могли умереть вследствие физического и морального истощения.

О продовольственном снабжении по пути следования высылаемых людей свидетельствуют следующие документы и факты. 19 мая 1942 г. на совещании при Народном Комиссариате торговли Якутской АССР было принято решение об обеспечении горячим питанием, а также сухими пайками в пути следования спецпоселенцев в соответствии с телеграммой Союзнаркомторга № 10-851, по следующим нормам питания (исходя из суточного рациона на одного человека, гр.): хлеба – 500, крупы – 80, жиров – 10, сахара и кондитерских изделий – 10, рыбы, мяса – 100. В случае отсутствия отдельных продуктов (крупы, мяса, рыбы, овощей) они должны были заменяться продуктами в соответствующих количествах (макаронами, вермишелью, лапшой, мясными, рыбными консервами, сушеными овощами). Работающим во время пути планировали выдачу дополнительно в день 300 гр. хлеба. Стоимость дневного рациона устанавливалась в 5 руб. [Там же]. Совещанием были определены три организации, отвечающие за снабжение спецпоселенцев на местах: Полярторг, Холбос, Рыболовсекция.

Что же было на баржах и пароходах, перевозящих людей? Об этом красноречиво свидетельствует выдержка из акта от 26 июня 1942 г., составленная государственным инспектором Народного Комиссариата здравоохранения ЯАССР Андреевым: «...Верхняя палуба баржи, трюм, где находятся пассажиры, содержит грязно. Везде много пыли, сору, отбросов. Верхняя палуба и пол в трюме не моется... В момент обследования кипяченой воды для пассажиров не было и последние пьют сырую воду... На барже обнаружено трое больных детей и одна взрослая женщина с подозрением на паратиф, которая не госпитализируется ввиду того, что таковых не высаживают с баржи вместе с семьями. Имеются больные дети с кожными заболеваниями и летними поносами...» [Там же, л.100]. За вышеизложенным свидетельством скрываются боль утрат, страдания, муки обездоленных и обессиленных, отчаявшихся и больных людей.

Таким образом, с июня по сентябрь 1942 г. в Якутию всего прибыло 9080 чел., из них литовцев и евреев из Литвы – 3886, финнов – 3694, русских – 753, немцев – 617 человек [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.108. л.18]. Основным местом их расселения были районы Крайнего Севера – Булунский, Усть-Янский. По состоянию на март 1943 г. они проживали: в Булунском районе (4463 чел.), Усть – Янском (1370), Жиганском (213), Ленском (1408), Олекминском (792), Орджоникидзевском (334 чел.). А остальные 500 чел. были оставлены в Кобяйском районе (200 чел.) и на работах в организациях разных районов: системе Наркомздрава, детприемниках, Промсоюзах и т.д. [Там же, л. 19].

3. Польские спецпереселенцы

Драматически сложилась судьба высланных поляков – так называемых «беженцев войны». Суровые климатические условия, тяжелый физический труд стали тяжелым испытанием для них – около 20% всех высылаемых по стране были специалистами с высшим и средним специальным образованием, работниками умственного труда. Выполнение спецпоселенцами производственных норм в среднем составляло от 20 до 60% (расчеты авторов), таким образом заработка в день колебался от 2 до 5 руб., что не обеспечивало их прожиточного минимума [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.73, л.54].

Первые эшелоны с поляками из г.Львова и г.Тарнополя [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.59, л.167] прибыли на станцию Тында в июле 1940 г. Их принимали представители Алданского окружного отделения НКВД (Народного комитета внутренних дел) ЯАССР (Якутской автономной советской социалистической республики). Один из них под № 4071, начальником которого был старший лейтенант Шпицан, прибыл 24 июля. В нем находилось 986 человек [Архив МВД РС (Я)), ф.11, оп.1, д.32, л.17]. А 23 июля началась переправка поляков на Алдан, непосредственно на места спецпоселения. В составе первой отправляемой колонны насчитывалось 207 человек [Там же. л.22]. Они были размещены в основном в Алданском округе для работы на предприятиях лесной промышленности и золотых приисках.

Поляки трудились на золотодобыче и лесозаготовках. Однако их труд был организован плохо: не хватало орудий труда, спецодежды. Так, из числа трудоспособных зимой 1940 г. валенки были выданы только 1/3, ватные брюки и куртки – половине высланных поляков. Понятно, при таком неудовлетворительном снабжении теплой и спецодеждой, орудиями труда, не все трудоспособные спецпоселенцы могли быть оформлены на работах. Известно, что к концу 1940 г. не было оформлено по объектам работ треста Якутзолото в общей сложности 538 поляков [Сивцева, 2000, с.93].

Руководители же поселков Интернациональный и Нерянжа по этой проблеме заявляли: «... В лесу они (спецпоселенцы) все равно работать не будут. Им лишь бы получить спецодежду и заборную книжку» (продуктовая книжка) [Там же]. Такое поведение руководители объясняли их недостаточной квалифицированностью в работе, так как в составе высланных преобладали люди умственного труда, интеллигенция, большинство из которых впервые в своей жизни держали в руках топор и пилу.

Аналогичное положение было с организацией работ и на других участках спецпоселков.

Совокупность этих негативных моментов в организации труда, а также физическая не-пригодность поляков для тяжелых работ привела к низкому заработка, ухудшению и без того тяжелых условий жизни их семей.

Жилищные условия высланных вполне можно охарактеризовать как экстремальные. Несмотря на то, что трест Якутзолото задолго до прибытия спецпоселенцев был поставлен в известность, существенных мер подготовки жилья для расселения, прибывающих он не принял. В результате половина переселенцев до начала зимних ходов и снега была размещена в летних домиках без печей и в брезентовых палатках. Только под национальным Алданского окружного отдела НКВД и Окружного комитета ВКП(б) (Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)) в октябре месяце часть людей из палаток была переведена в наскоро выстроенные бараки поселков Угольный и Нерянжа, а часть в количестве 150 человек осталась и далее проживать в п.Нерянжа в летних домиках, в которых были поставлены железные печи из бочек [Сивцева, 2000, с. 93].

И в таких тяжелых условиях пребывания людей на поселении велась и статистика по реализации всеобуча детей спецпоселенцев. Отмечалось, что в Якутии и др. регионах страны в 1940 г. недостаточно уделяется внимание состоянию начального всеобуча, многие дети

не охвачены обучением, школы не оборудованы необходимым инструментарием, учащиеся неудовлетворительно снабжаются тетрадями, учебниками, крайне плохо была поставлена внешкольная работа среди учащихся [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.65, л.67]. Известно, что среди высланных в Якутию поляков было 398 детей школьного возраста. Они были расселены по поселкам: Якокутстрой – в количестве 19 человек, п.Хвойный – 53, Угольный – 95, Нерянжа – 158, Интернациональный – 73. Однако обучением из них было охвачено только 21.4 % или 85 детей, которые учились в школах п.Хвойный и Интернациональный (по состоянию на 1 ноября 1940 г.) [Там же, с.94]. В других поселках школьного обучения не проводилось вследствие отсутствия помещений. Детских садов и яслей организовано не было.

О настроении поляков сообщалось, что у «беженцев» Алданского района сначала сложилось мнение, что их привезли на вольное поселение и они могут работать только по своей специальности и там, где им понравится. Поэтому большая часть прибывших всячески избегала физических работ на лесозаготовках, а отдельные из них, проживая в лесу, для себя лично отказывались заготовлять дрова, обращаясь в хозяйственные органы за их приобретением. После разъяснения полякам положения об их содержании почти все стали работать. В ноябре, то есть по прошествии трех месяцев (в Якутии в ноябре наступают настоящие морозы за -40), их настроения свелись к тому, что их выслали по ошибке. Они стали питать надежды, что в скором времени их дела пересмотрят, о чем и писали ходатайства во все инстанции.

Понятно, что смертность среди высланных поляков была высока. Так, только за второй квартал 1941 г. по Аллах-Юньскому району из 1163 человек умерло 46, родилось 2 [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.91, л.134].

В июне 1944 г. СНК СССР было принято постановление о переселении граждан Польши [Бугай, 1995, с.196]. Некоторые моменты отправки их из Якутии были зафиксированы в документах контролирующих органов. Так, 11 июня пароходом с Бодайбинской пристани было отправлено 327 человек (226 семей), а 15 июля планировалась отправка второй партии в количестве 397 человек [ГА РФ. ф.9479, оп.1, д.178, л.218].

По архивным данным НКВД Якутской АССР, сохранившимся в Министерстве внутренних дел Республики Саха (Якутия) известно, что всего из Якутии выбыло на родину 4373 польских гражданина, в большинстве своем это были лица еврейской национальности [Архив МВД РС (Я), ф.11, оп.1, д. 961, л.1 – 286]. Данная цифра подтверждается и данными Государственного архива Российской Федерации: в 1940 г. численность граждан Польши в Якутии составила 4373, а к осени 1941 г. – 3462 человека [ГА РФ, ф. 9479, оп.1, д. 62, л. 121; д. 91, л. 133, 134].

Таким образом, проблема численности, состава высланных в Якутию граждан Польши нуждается в специальном исследовании. Опираясь на вышеуказанные материалы НКВД в части условий труда и жизни, можно предположить, что потери среди высланных поляков были, и были весьма значительными.

4. Условия жизнедеятельности спецпереселенцев

С началом Великой Отечественной войны были ужесточены порядок и режим содержания спецпоселенцев : усиливалась охрана спецпоселков, исключающая возможность побегов, при этом проверять население спецпоселков рекомендовалось не реже чем дважды в сутки; запрещались отлучки из спецпоселков и мест работы, переписка с родственниками; усиливалась агентурно-осведомительная работа по предупреждению побегов; предлагалось немедленно арестовывать подстрекателей к организации выступлений, а также ведущих антисоветскую агитацию, распространяющих провокационные слухи, злостных прогульщиков и дезорганизаторов производства [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.71, л.118]. Ужесточение режима повлекло за собой недовольство среди спецпоселенцев «бывших кулаков»

(СОЭ), восстановленных ранее (до 1941 г.) в правах и получивших паспорта. Так, в отчетности органов НКВД ЯАССР выявлялись «нездоровые» настроения по уклонению от режима. Спецпоселенцы утверждали: «Мы имеем паспорта и являемся такими же гражданами, как и все, а поэтому можем проживать не обязательно в поселке» [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.82, л.38].

«Бывшие кулаки» (СОЭ) в годы войны вынуждены были осваивать новые места золотодобычи – возникли новые участки В-Незаметный, Сосновый ключ, Латышский и др. Людям приходилось ежедневно преодолевать по несколько километров до новых мест приисков, переезжать и вновь устраивать свою жизнь на новых местах добычи. Переезд требовал дополнительных усилий людей, времени, средств, что в итоге негативно отражалось на заработке, производительности труда. Уровень средней заработной платы рабочего в первой половине 1942 года упал на 67 руб. 70 коп. в сравнении с прошлогодним и составил 350 руб. Известно, что в первом полугодии 1942 г. в Алданском округе проживало 3479 человек, естественная убыль составила 23 человека: умерло 53, родилось 30 [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.80, л.152, 153].

На Крайнем Севере, в Якутии тяжелый труд переселенцам был не под силу, тем более что значительная часть спецпоселенцев считалась нетрудоспособной. Например, на рыбозаводах Булунского района было занято только 40 % от всего контингента. Остальные не работали по разным причинам: старости, болезни, отсутствия теплой одежды, а также в силу малолетнего возраста. Из 120 трудоспособных спецпоселенцев Жиганского района непосредственно на рыбных промыслах во время осеннего хода рыбы работало всего 12 чел., в первом квартале 1943 г. – 3 чел. Остальные были заняты на разных подсобных и хозяйственных работах [Сивцева, 2000, с.97].

В местных условиях нормы выработки спецпоселенцев были чрезвычайно низки. Это видно на примере крупного Быковского рыбозавода, расположенного на берегу Северного Ледовитого океана в 60 км к востоку от бухты Тикси. Из завезенных 1800 спецпоселенцев ни один рыболов в 1942 г. не смог выполнить производственной нормы по добыче рыбы. В этой ситуации тяжелым бременем для завода являлось наличие значительного количества – 702 чел. нетрудоспособных и ограниченно-трудоспособных. В том числе насчитывалось 76 чел. престарелых, а физически негодных к работе – 176 и малолетних детей – 450 человек (450 малолетних детей – это четверть от всего числа сосланных на Быковский рыбозавод!).

Не лучшее обстояло положение спецпоселенцев на предприятиях лесной промышленности в Олекминском и Ленском районах. Производительность труда была выше, чем на рыбодобывае, но значительно ниже, чем в системе других Наркоматов. Причинами низкой производительности труда здесь также явились недоедание, голод и необеспеченность спецодеждой – серьезные обморожения часто приводили к ампутациям конечностей [Там же, с. 100].

Основная часть спецпоселенцев была «устроена» в районах Крайнего Севера, в местах, отдаленных от какого-либо жилья, где не было ни поселков, ни строительных материалов. Люди высаживались на местах организации рыбозаводов и помещались в палатках. В результате незначительного поступления леса (лес на севере не растет, потому сплавлялся из южных районов Якутии) люди вынуждены были строить юрты (каркасное жилище с глиняным, земляным покрытием) на мерзлой земле и только частью – из леса.

В экстремально тяжелых условиях люди жили не только в 1942, 1943, но и в последующие годы. Так, по состоянию на 1 января 1945 г. в Усть-Янском районе из проживающих 530 семей спецпоселенцев пользовались типовыми домами только 50 семей, а остальные были расселены в юртах, обложенных пластами дерна с землей. Эти жилища ввиду их

антисанитарного состояния для жилья были почти не пригодны, в них царили сырость, холод, грязь и не было освещения. В этих юртах летом вместо стекол употребляли полотно, зимой – лед. Вместо керосиновых ламп – коптилки. Аналогичным было положение и в Булунском, Олекминском районах.

Крайняя скученность спецпоселенцев, антисанитарное состояние жилищ, плохое питание, холод из-за отсутствия дров систематически порождали массовые заболевания, часто приводящие к летальным исходам. За время с июля по декабрь 1942 г. только по Трофимовскому и Быковскому рыбозаводам Булунского района было отмечено 213 случаев заболевания сыпным тифом, а за январь и февраль 1943 г. – 44 случая. По одному главному участку Быковского рыбозавода, где проживало около тысячи спецпоселенцев, за январь и февраль 1943 г. было зарегистрировано фельдшерской амбулаторией 200 случаев заболеваний разными болезнями, из них – 77 случаев цинги, 40 – туберкулеза, 18 – гриппа, 16 – тифа, 11 – поноса, 8 случаев обморожений и т.д. Положение усугублялось тем, что из-за отсутствия зелени и овощей на севере широкое распространение (во всех районах) получило заболевание цингой – болело около 30 – 40% высланных [Там же, с. 101].

Население спецпоселков было лишено газет, радио, сообщений Совинформбюро. В настроениях спецпоселенцев сквозила только надежда, что скоро кончится война и они возвратятся на родину.

Естественная убыль населения спецпоселков была чрезвычайно высокой. За 1941-1945 гг. потери среди литовцев составили в 1,6 раза (39,2%), поляков – в 1,3 раза (20,8%), и финнов – в 1,2 раза (17,9%) [Сивцева, с.65].

После войны положение спецпоселенцев Якутии немногим изменилось в лучшую сторону (если можно так выразиться) – в 1949-1950 г. на рудниках «Флогопитовый», «Колтыкон», «Надежный» треста «Алданслюда» люди проживали уже в палатках, хоть и скученno (в палатках вместимостью 25 чел. проживало по 30-40 чел.), жаловались на отсутствие топчанов (лежаков), столов, скамеек, частично сооруженных из досок полов. Спецпоселенцы жаловались на плохо организованную подвозку дров, воды. Недовольство вызывало качество воды, недостаток печей и плит для приготовления пищи. Так, работа столовой рудника «Флогопитовый» не выдерживала никакой критики – для приготовления блюд использовались недоброкачественные продукты питания, неудовлетворительным было и ее санитарное состояние. Люди выходили на работу с утра голодными, подкрепившись лишь хлебом. Отмечалось отсутствие прачечных, пошивочных и сапожных мастерских [ГАРФ, ф. 9479, оп.1, д.548, л.239-241].

Заключение

Депортация не является порождением социалистического общества. Мировая история знает немало примеров применения депортационных мер по отношению к народам или группам населения конкретных национальностей... Депортации в СССР в годы войны свидетельствуют об усилении тоталитарного режима, они позволяли «гасить» конфликты между властью и народами, между народами в целом, управлять криминогенной обстановкой в различных регионах. Подвергшиеся депортации несчастные люди не были виноваты в развязывании войны гитлеровской Германией и в том, что территории их проживания оказались на границе Советского Союза и его geopolитических интересов.

Социальный статус насильственно перемещенных лиц в СССР был чрезвычайно низок – они не имели паспортов, права свободного перемещения, права голоса. Положение спецпоселенцев в Якутии, особенно в годы войны, было исключительно тяжелым. Жилищно-бытовые условия, условия труда и заработка не могли удовлетворить даже минимальных потребностей людей. Находясь далеко от родины, они вынуждены были изнурительным трудом в суровых климатических условиях зарабатывать себе на хлеб. Поляки, высланные во время войны, также не могли не испытать всех тягот и невзгод.

Однако, все же, в особо тяжелых условиях находились высланные по постановлению о развитии рыбных промыслов. В условиях Крайнего Севера, при экстремально низких температурах, практически ничего не имея для обустройства, им пришлось выживать на голых берегах реки Лена, заниматься рыболовством. И что особенно тяжело сегодня осознавать – среди них было много несовершеннолетних детей. Смерть буквально косила население спецпоселков Якутии.

Современникам необходимо помнить о трагических страницах нашей истории чтобы не повторять ошибок прошлого, ценить достижения нашей страны в XXI веке.

Источники и принятые сокращения

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.9479, Оп.1, Д.59, Л.167; Д. 62, Л.121; Д.65, Л.67; Д.71, Л.118; Д.73, Лл.54, 69-72; Д.80, Лл.152, 153; Д.82, Л.38; Д.91, Лл.133, 134; Д.108, Лл.18, 19; Д.109, Л.140; Д.118. Л.143; Д.141, Лл.45, 52, 75, 226; Д.155, Л.9; Д.178, Л.218; Д.187. Л.5; Д.298, Л.166; Д.527, Л.3; Д.548, Лл.239-241.

Архив Министерства внутренних дел Республики Саха (Якутия) (далее – Архив МВД РС (Я)). Ф.11. Оп.1. Д.32. Лл.17, 19, 22; Д.961. Лл.1 – 286.

Архив МВД РС (Я). Картотека спецпереселенцев

Архив Управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Саха (Якутия) (далее – Архив УФСБ РФ по РС (Я)). Ф.2. Оп.1. Д.5. Лл. 9, 68, 100.

Литература

1. Башкуев В.Ю. Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948-1960). Улан-Удэ, 2009. 298 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23883565>. Дата обращения 20.11.2021 г.
2. Бердинских, В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России/В.А. Бердинских. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – 768 с;
3. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: “Согласно Вашему указанию...”. — Москва : Издательство АИРО-ХХ, 1995. — 319 с.
4. Горохов С.Н. Спецпереселенцы на севере Якутии в годы Великой Отечественной войны. Учебное пособие / С.Н. Горохов; М-во общего и профессионального образования Рос. Федерации. Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова. – Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 1998. – 96 с.
5. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) (30-50-е годы) // Социологические исследования. 1990. (11): 3-17.
6. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 / В.Н. Земсков; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2005. – 306 с.
7. Карху Э. Ингерманландцы и ингерманцы / Э. Карху // Север. 1990. № 8. С.55.
8. Лиги Х. Это было в марте 1949 г. / Х. Лиги // Советская Эстония. 1989. 25 января.
9. Лобченко Л.Н. Из истории спецпоселков в Северном крае. Вестник архивиста. № 4-5, 2006. С.137-156. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12856344>. Дата обращения 20.11.2021 г.
10. Сандлер С. Прибалтийский путь / С. Сандлер // Радуга. 1990. № 7. С.36.
11. Сивцева С. И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941-1945 гг.) / С.И. Сивцева. –Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН. – 2000. – 148 с.
12. Сивцева С.И. Спецпоселенцы в Якутии: численность, состав, размещение // Факторы устойчивого развития регионов России : монография / С.И. Сивцева; под общ. ред. С.С.Чернова. – Новосибирск : ЦРНС, 2009. – Кн. 6. – С.238-263.
13. Хамфри С. Deportees in Society Ssyl'ka and Spetsposelenie in Soviet Buryatiya. INNER ASIA 21 (1), pp.38-60. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000469412300003>. Дата обращения 22.11.2021 г.
14. Флинк Т. Мы еще живы / Т. Флинк // Север. 1990. № 2. С.129.
15. Чернолуцкая, Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг / Е. Н. Чернолуцкая // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток : Федеральное государственное унитарное предприятие «Издательство Дальннаука», 2011. – 511 с.

16. Shcheglova T.K. «There used to be different nations here»: deportations of the years 1939-1949 in the memory of Siberian rural population. SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH-SIBIRSKIE ISTORICHESKIE ISSLEDOVANIYA (2), pp.53-72. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000668688000003>. Дата обращения 22.11.2021 г.

References

1. Bashkuev V.YU. Litovskie specposeleny v Buryat-Mongolii (1948-1960). Ulan-Ude, 2009. 298 s. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23883565>. Data obrashcheniya 20.11.2021 g.
2. Berdinskikh, V.A. Specposeleny: politicheskaya ssylka narodov Sovetskoy Rossii/V.A. Berdinskikh. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. – 768 s;
3. Bugaj N.F. L.Beriya – I.Stalinu: “Soglasno Vashemu ukazaniyu...”. — Moskva : Izdatel’stvo AIRO-HKH, 1995. — 319 s.
4. Gorohov S.N. Specpereseleny na severe YAkutii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Uchebnoe posobie / S.N. Gorohov; M-vo obshchego i professional’nogo obrazovaniya Ros. Federacii. YAkut. gos. un-t im. M. K. Ammosova. – YAkutsk : Izd-vo YAkutskogo gosuniversiteta, 1998. – 96 s.
5. Zemskov V.N. Specposeleny (po dokumentam NKVD-MVD SSSR) (30-50-e gody) // Sociologicheskie issledovaniya. 1990. (11): 3–17.
6. Zemskov V.N. Specposeleny v SSSR, 1930-1960 / V.N. Zemskov; In-t ros. istorii. – M.: Nauka, 2005. – 306 s.
7. Karhu E. Ingermanlandcy i ingermancy / E. Karhu // Sever. 1990. № 8. S.55.
8. Ligi H. Eto bylo v marte 1949 g. / H. Ligi // Sovetskaya Estoniya. 1989. 25 yanvarya.
9. Lobchenko L.N. Iz istorii specposelkov v Severnom krae. Vestnik arhivista. № 4-5, 2006. S.137-156. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12856344>. Data obrashcheniya 20.11.2021 g.
10. Sandler S. Pribaltijskij put’ / S. Sandler // Raduga. 1990. № 7. S.36.
11. Sivceva S. I. YAkutiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: social’no-demograficheskij aspekt (1941-1945 gg.) / S.I. Sivceva. –YAkutsk : Izd-vo YANC SO RAN. – 2000. – 148 s.
12. Sivceva S.I. Specposeleny v YAkutii: chislennost’, sostav, razmeshchenie // Faktory ustojchivogo razvitiya regionov Rossii : monografiya / S.I. Sivceva; pod obshch. red. S.S.CHernova. – Novosibirsk : CRNS, 2009. – Kn. 6. – S.238-263.
13. Hamfri S. Deportees in Society Ssyl’ka and Spetsposelenie in Soviet Buryatiya. INNER ASIA 21 (1), pp.38-60. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000469412300003>. Data obrashcheniya 22.11.2021 g.
14. Flink T. My eshche zhivy / T. Flink // Sever. 1990. № 2. S.129.
15. CHernoluckaya, E. N. Prinuditel’nye migracii na sovetskem Dal’nem Vostoke v 1920-1950-e gg / E. N. CHernoluckaya // Institut istorii, arheologii i etnografii narodov Dal’nego Vostoka DVO RAN. – Vladivostok : Federal’noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatiye «Izdatel’stvo Dal’nauka», 2011. – 511 s.
16. Shcheglova T.K. “There used to be different nations here”: deportations of the years 1939-1949 in the memory of Siberian rural population. SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH-SIBIRSKIE ISTORICHESKIE ISSLEDOVANIYA (2), pp.53-72. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000668688000003>. Data obrashcheniya 22.11.2021 g.

– ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО –

УДК 342.4

П. Г. Савостин

Концепт «долг» в конституционном праве

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения понятия «долг» в конституционном праве. В исследовании применяется такая категория философии как концепт: тем самым подчеркивается смысловое значение долга, а также делается акцент на его нравственно-правовую (философичную) природу. В статье обращается внимание на то, что каждый этап развития юридической науки богат идейными основаниями, примерами теории и практики по теме исследования. В античности – это воззрения Сократа, Платона и Аристотеля. В Новое время – это восприятие должного в трудах И. Канта, И. (Дж.) Бентама, Д. Юма и др. В прошлом столетии и в современной отечественной юридической науке доминируют идеи философа В.С. Соловьева, ученых Т.Н. Радько, С.Ф. Кечекяна, Н.В. Витрука, С.А. Авакяна и др. Как заметил Б.С. Эбзеев, «категория долга имеет не только этическое, но и юридическое значение и требует своего осмыслиения и учета как в науке конституционного права, так и в практике реализации Конституции» [1, с. 514]. Несмотря на интерес со стороны ученых, труды которых легли в основу данного исследования, возможно констатировать недостаточное осмыслиение категории «долга» именно в правовой проекции. Неверное использование понятий и юридических терминов в юриспруденции, особенно в конституционном правотворчестве, может послужить основанием для умаления прав и свобод человека и гражданина, а также стать предпосылкой политico-правовых коллизий. Отметим, что также отсутствует общепризнанное научное понимание такого терминологического клише как «конституционный долг». В научной литературе применяются словосочетания, исходящие из рассматриваемого концепта («общественный долг», «правовой долг»), но при этом смысл, вкладываемый в то или иное соединение, зачастую упускается. Таким образом, перед исследователем ставиться цель – определить роль концепта «долг» в конституционном праве путем решения следующих задач: во-первых, рассмотреть категорию долга в ретроспективе философского осмыслиения; во-вторых, «вычислить» соотношение категории долга с такой юридически релевантной ему категорией, как обязанность; в-третьих, исходя из широкого толкования исследуемой категории, провести его классификацию, целью которого является определение подкатегории «конституционный долг».

Ключевые слова: долг, категория долга, концепт, обязанность, ответственность, конституционный долг, правовой долг, общественный долг, гражданский долг.

САВОСТИН Петр Григорьевич – аспирант, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: petr_savostin@mail.ru

SAVOSTIN Petr Grigorievich – postgraduate student, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Научный руководитель:

СТЕПАНОВА Альбина Афанасьевна – к. ю. н., заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: aastepanova@mail.ru

STEPANOVA Albina Afanasyeva – Candidate of Law, Head of the Department of Constitutional and Municipal law, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

P. G. Savostin

The ‘duty’ concept in constitutional law

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article discusses the issue of defining the meaning of the term «duty» in constitutional law. The philosophical category of concept is at the basis of the research, stressing the semantic meaning of duty and its moral and legal (philosophical) nature. The article underlines the fact that each period in the development of legal science was rich in ideas and theoretical and practical examples of the research issue. Antiquity includes the views of Socrates, Plato, and Aristotle. The modern age is the perception of duty in the works of Immanuel Kant, Jeremy Bentham, David Hume, and others. The previous century and the contemporary period are marked by the ideas of philosopher Vladimir Soloviev, researchers Timofey Radko, Stepan Kechekeyan, Nikolay Vitruk, Suren Avakyan, and others. Boris Ebzeyev notes that “the category of duty has not only ethical, but also legal significance and should be understood and considered both in the science of constitutional law and the practical implementation of the Constitution”. [1, 514]. Notwithstanding such interest of scholars whose works form the basis of this research, it is possible to state that there is insufficient understanding of this category from the legal point of view. Incorrect use of concepts and legal terms in jurisprudence, especially constitutional law-making, can diminish the rights and freedoms of individuals and citizens and may lead to conflicts of policy and law. Furthermore, there is no sufficient scientific understanding of such a terminological cliché as ‘constitutional duty’. Research articles often include phrases that are based on this concept (‘public duty’, ‘legal duty’), however, the meaning behind these phrases is often omitted. Thus, the goal of this research is to define the role of the ‘duty’ concept in constitutional law by first examining the category of duty in the retrospective of philosophical understanding; second, ‘calculating’ the relationship between the category of duty and another legally relevant category of obligation; third, classifying the category based on its broad interpretation, defining the meaning of the ‘constitutional duty’ subcategory.

Keywords: duty, category of duty, concept, obligation, responsibility, constitutional duty, legal duty, public duty, civil duty.

Эпистемологическое установление контекста категории долга может быть прослежено вплоть до античности. Тогда общественное, коллективное благо стояло выше индивидуального. Морально-нравственные устои личности, аристотелевское понимание природы человека как существа политического выступали необходимым условием его субъективной стороны. Нравственное начало превалировало над правовой природой категории долга. Так, будучи гражданином, Сократ обязался поддерживать, выполнять свой гражданский долг, а не подрывать законы своего отечества, если испытываешь от них несправедливость, в том числе даже при таком наказании, как смерть. Имея возможность избежать наказания, Сократ, как это ярко отметил В.С. Соловьев, руководствовался не мотивами гражданского повиновения, а соображениями морального порядка и, по заключению русского философа, уступил свое материальное право ради высшей идеи человеческого достоинства и патриотического долга [2, с. 116-117].

Огромный вклад не только в философском осмыслиении, но и в правовом понимании категории долга, так называемое соотношение этики и права, внес И. Кант: «Единственным мотивом априорного морального закона может быть долг, то есть уважение к закону как таковому, возбуждаемое самим чистым разумом» [3, с. 463-464]. По его мнению, мотив долга – это внутренний духовный акт. Именно долг формирует личность. Требование долга: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» – лежат в основе его учения о праве. Долг в соответствии с Кантовской этикой – это категорический императив, безусловно обязательный, это абсолютная моральная ценность.

Если в античности было заложено базовое понимание концепта «долг», а И. Кант развил его философское осмысление как правового понятия, то будет более объективным также обратиться к деонтологии Бентама И (Дж.). Юридическая деонтология (от греч. deontos – должное, надлежащее) в традиционном понимании – учение о соотношении должное и существа в юридической практике [4, с. 268]. В критическом же понимании Бентама, «долг» и производное от него «должное» не имеют под собой юридического основания как обязательного для исполнения. «Долг», по Бентаму, доступен для человека только в том случае, если он осознает добродетель. До этого момента бессмысленно указывать на должное. Да и морального права на это никто не имеет. Принципиально важно осознать, что «каждому человеку зрелого возраста и здравого ума должно быть позволено судить и действовать самостоятельно, и что все, что может быть сказано и сделано другим человеком с целью направить поведение первого есть не более чем глупость и наглость» [5, с. 384].

Учитывая, релевантность категорий долга и обязанности, а также их пограничное конституционное оформление, в доктрине конституционного права фиксируются попытки «вычислить» их соотношение. При этом такое роковое сходство можно отметить не только в правовом, но и в лексическом значении.

В.И. Даль определяет «долг» как «все должное, что должно исполнить, обязанность» [6]. При этом лексикографом проводится соотношение понятий долг и обязанность. Так, долг – более общее, чем обязанность, которая, в свою очередь, выступает как частное, личное. Долг невольный, обязанность условна.

Такое общелитературное понимание исследуемого корреспондирует смысловому значению, которое придают ему ученые в области юриспруденции. Н.В. Витрук при исследовании юридической ответственности отмечал, что обязательным условием жизнедеятельности общества является соблюдение субъектами общественных отношений прав и обязанностей, что, в свою очередь, является объективной предпосылкой возникновения ответственности, в частности, социальной, через возможное и должное поведение индивида. «Долг – это обязанность человека, освещенная его совестью» [7, с. 11]. И логично здесь же определить долг, а также обязанность как нравственно-социальные или общественно-социальные категории, объективно возникающие из частных и публичных правоотношений.

Конституция Российской Федерации нормативно разделяет долг и обязанность гражданина, что и демонстрирует статья 59: «Защита Отчества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации». В.Д. Зорькин так интерпретировал данное разграничение: «Словосочетание защита Отчества сопрягается со словами долг и обязанность, а это означает, что, с одной стороны, защита Отчества является моральным обязательством каждого гражданина, выступающим в юридически оформленном виде и поэтому являющимся конституционной обязанностью, а с другой – эта обязанность может быть конкретизирована актами законодателя» [8, с. 524]. Данную норму Конституции и вышеизложенное развивает положения Федерального закона от 28.03.1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», закрепляя разделение уже таких категорий, как воинская обязанность и конституционный долг по защите Отчества.

Поведение гражданина, выражющееся в уклонении от прохождения военной и альтернативной гражданской службы, становится условием уголовно-правовой санкции, статьи 328 Уголовного кодекса РФ, то есть здесь предел выражен в негативной ответственности.

Конституционный долг по защите Отчества граждане вправе исполнять путем добровольного поступления на военную службу. При этом такие граждане проходят военную службу в добровольном порядке (по контракту) в соответствии с положениями Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и других нормативных право-

вых актов [9]. Пределом же такого конституционного долга будет выступать позитивная ответственность – ответственность перед своей совестью или, как это указывалось выше, моральное обязательство.

Таким образом, если категория ответственности выступает пределом того или иного поведения, стоит вопрос только в ее виде. Для долга ответственность не может быть негативной. Такая ответственность выступает пределом обязанности, которая, в свою очередь, дополняет этим существо долга. Долг – это внутреннее побуждение, который может носить «невольный» характер, но человек вправе и уклониться от его выполнения и породить совесть в каббALE.

Также для понимания природы долга важно отметить, что вышеприведенный конституционный долг по защите Отечества нормативно толкуется шире и предусматривает уже в себе воинскую обязанность. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 года указывается, что, по смыслу ст. 26 Федерального закона от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», существо воинского долга составляет предопределяющее содержание общих, должностных и специальных обязанностей военнослужащих. Воинская служба с учетом ее современной специфики, а также исторически сложившегося отношения к защите Отечества требует «выполнение задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни» [10]. Такое существо воинской повинности предопределяет не только должностный уровень профессиональной подготовки, но и, в первую очередь, особые морально-психологические требования, и здесь обязанность не может выступать как фактор, способный совместить два этих компонента.

Затрагивая вопрос о субъектном составе соотносимых категорий, возможно подчеркнуть следующее. Статья 59 Основного закона, закрепляя долг по защите Отечества исключительно за гражданами РФ, не связывает в остальном исследуемую категорию, как ошибочно полагают некоторые из юристов, только с лицами, имеющими гражданство РФ. К примеру, статья 57 Конституции РФ, закрепляя обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы, соответствует выводу тех юристов, которые соотносят данную норму к форме исполнения конституционного долга, а именно выражаясь в добровольной уплате налогов и сборов, что, в свою очередь, корреспондирует ч. 3 ст. 62 Конституции РФ. Тем самым категория долга закрепляется на конституционном уровне не только за гражданами РФ, но и иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Что касается категории обязанности, то российское законодательство здесь конкретизирует круг субъектов. Так, согласно ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», «призыву на военную службу подлежат: граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете...».

Со временем категория долга приобретала все большее осмысление, в результате чего исследование ученых в данном направлении сводилось не только к одному лишь прямому определению. Традиционно, в том числе в Основном законе, выделяли две основных коллокации – это «общественный долг» и «гражданский долг». Общественный долг или, как показал В.И. Даль, общий долг, который вмещает долг его к Богу, долг гражданина и долг семьянина [6]. Российский юрист Н.В. Витрук связывал содержание социальной ответственности как фактора, регулирующего общественные отношения, контролирующего поведение людей, с реализацией общественного долга как глубокого осознания необходимости претворения в жизнь социальных велений [9]. С этой позиции общественный долг будет дифференцироваться, формируя уже гражданский долг или долг гражданина, который будет уже, ориентированный именно на обеспечение государственных велений и общественного блага.

Но все же оба рассматриваемые понятия (общественный и гражданский долг) – это общеупотребительные категории. В правовой проекции мы видим, что учеными-юристами выделяется такая категория, как правовой долг. Так, профессор Т.Н. Радько, один из первых отечественных правоведов, стремился осмыслить долг именно как правовую категорию, в том числе через соотношение с обязанностью и ответственностью, понимал под правовым долгом «необходимость определить свое поведение не только по обязанностям, но и по убеждению в правильности, разумности закона и принципов права. Это категория нравственно-правовая, отличающаяся от общественного долга как морального явления и от юридической обязанности, осуществляющей в правоотношении, как категории собственно правовой» [11].

В данной области исследования вызывает интерес закрепление основным законом государства категории долга и возникновение от этого терминологического клише «конституционный долг»¹. На первый взгляд, рассматриваемая категория является лишь отражением прямого упоминания долга, как долг по защите Отечества в Конституции РФ. Но обращаясь к соотношению категорий долга и обязанности, можем констатировать не только тонкую грань между ними, но и понимание того, что категория долга через свое широкое толкование вмещает в себя и обязанности. Тем самым позволяет говорить о том, что «конституционный долг» – это не только долг по защите Отечества, прямо закрепленный нормой 59 статьи Конституции РФ, но и конституционный долг по уплате налогов, закрепленный нормой статьи 57 Конституции РФ или конституционный долг по сохранению природы и окружающей среды, определяемые только через прямо закрепленные обязанности. Грубо говоря, если мы обращаемся к конституционному долгу, то подразумеваем не только прямо закрепленное должное поведение, но и объем конституционно закрепленных обязанностей.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Постоянное осмысление философами (будь то античности либо Нового времени) должного поведения, в частности концепта «долг» как нравственно-правовой категории, позволяет говорить о его широком толковании. Именно такая последовательность определения как нравственная, а уже далее – правовая, превалирует в философских умозаключениях. Личность, в первую очередь, в своем поведении руководствуется принципами морали, тем, что должно. Но это не означает противопоставление морали и права. По Канту, право морально обосновано. Эти две категории взаимоусловлены и осуществляются в пределах единой сферы их действия – сферы свободы. Здесь раскрываются их ориентиры на ее различные стороны.

2. Исходным в соотношении «долг-обязанность» (или «обязанность-долг») может выступить не любая из данных категорий, а именно долг в силу природного объема и ширине толкования. Долг в соотношении с обязанностью дает понять о квазиправовом характере, нежели о строго юридическом, должностного поведения. И если, по логике законодателя, долг реализуется через обязанность, то в науке, таким образом, возможно уже определить долг через обязанность. Обе категории не могут лежать в разных плоскостях. Все они звенья одной цепи, пределом которой служит категория ответственности. Гомогенность концептов долг, обязанность и ответственность можно выразить в фигуре V-типа. Такой атлед венчает долг и обязанность, конусно сведенные к ответственности.

3. Ретроспектива отечественного конституционного развития позволяет запечатлеть возникновение конституционного долга. Советский период запомнился «подъемом» долж-

¹ По данным научной электронной библиотеки elibrary.ru, только за 2015-2021 гг. «конституционный долг» использовался в 158 научных публикациях.

ного поведения, начиная с его оформления в Основном законе 1937 года и кульмиационным, «объёмным» отражением в 1977 году. При чем его можно констатировать не только в конституционном оформлении. Чего только стоят работы ученого Т.Н. Радько в области понимания правового долга (1974-79 гг.), ученого В.А. Ребрина об общественном благе и общественном долге (1971 г.). Можно утверждать, что интерес советских государственных деятелей в конституционном оформлении категории долга корреспондировал стремлению советских ученых в области права познать данную категорию.

Категория долга, а именно та форма, которая закрепляет долг по защите Отечества, сохранила свою правопреемственность после распада СССР и образования современного государства. Но такое неизменное и, казалось бы, «скучное» оформление в Конституции 1993 года не лишает исследуемую категорию ее актуальности и тем более не делает ее безынтересной. Конституционное право, как наука не стоит на месте. Интерпретация понимания категории «долг» и «конституционный долг» служит пищей для критики и тем самым дальнейшего исследования.

Литература

1. Комментарии к Конституции Российской Федерации под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М., 2009;
2. Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. VII / В.С. Соловьев. – СПб., 1894-1897;
3. Кант И. Критика практического разума. Сочинение в 8-ми т. / И. Кант. – М., 1994;
4. Окусов А.П. Юридическая деонтология или профессиональная несостоительность безнравственного юриста: [учебное пособие] / А.П. Окусов. – Ростов-на-Дону: Южно-Рос. гуманит. ин-т, 2001;
5. Рыскельдиева Л.Т. Деонтология в истории философии / Л.Т. Рыскельдиева – Симферополь: Таврия, 2004.;
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль – Москва: Директ-Медиа, 2014 –7602 с.;
7. Общая теория юридической ответственности: Монография / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. С. 304;
8. Зорькин В.Д. Комментарии к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013;
9. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 3 от 03 апреля 2008 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»;
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 года по делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р.В. Боскевича, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева;
11. Радько Т.Н. Юридическая ответственность как общая форма реализации социальных функций права // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. – Волгоград, 1974. – Вып. 9.

References

1. Kommentarii k Konstitucii Rossijskoj Federacii pod red. V.D. Zor'kina, L.V. Lazareva. – M., 2009;
2. Solov'ev V.S. Sobranie sochinenij. T. VII / V.S. Solov'ev. – SPb., 1894 – 1897;
3. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma. Sochinenie v 8-mi t. / I. Kant. – M., 1994;
4. Okusov A.P. Juridicheskaja deontologija ili professional'naja nesostojatel'nost' beznrvastvennogo jurista: [uchebnoe posobie] / A.P. Okusov. – Rostov-na-Donu: Juzhno-Ros. gumanit. in-t, 2001 g.;
5. Ryskel'dieva L. T. Deontologija v istorii filosofii / L. T. Ryskel'dieva – Simferopol': Tavrija, 2004.;
6. Dal', V.I. Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka /V.I. Dal' – Moskva: Direkt-Media, 2014 –7602 s.;
7. Obshchaja teorija juridicheskoj otvetstvennosti: Monografija / N.V. Vitruk. – M.: Izd-vo RAP, 2008. S. 304;

8. V.D. Zor'kin Kommentarii k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod red. V.D. Zor'kina. 3-e izd., peresmotr. – M.: Norma: INFRA-M, 2013;

9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda RF № 3 ot 03 aprelja 2008 goda «O praktike rassmotrenija sudami ugolovnyh del ob uklonenii ot prizyva na voennuju sluzhbu i ot prohozhdenija voennoj ili al'ternativnoj grazhdanskoj sluzhby»;

10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 marta 2013 goda po delu o proverke konstitucionnosti podpunktta «v» punkta 2 stat'i 51 Federal'nogo zakona «O voinskoj objazannosti i voennoj sluzhbe» v svjazi s zhalobami grazhdan R.V. Boskacheva, I.V. Ovsjannikova i D.A. Savel'eva;

11. Rad'ko T.N. Juridicheskaja otvetstvennost' kak obshchaja forma realizacii social'nyh funkciij prava // Trudy Vysshej sledstvennoj shkoly MVD SSSR. – Volgograd, 1974. – Vyp. 9.

В. В. Шадрин

О конституционно-правовых основах идеи общего блага в Российской Федерации

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию конституционно-правовых основ идеи общего блага в Российской Федерации. Рассматриваются содержание идеи общего блага, различные подходы и соотношение со смежными категориями, анализируются Конституция РФ и зарубежные конституционные и международные акты, аргументируется необходимость внедрения идеи общего блага в научный дискурс и политico-правовую практику.

Ключевые слова: общее благо, общие интересы, общие ценности, индивидуальные интересы, Конституция РФ, доверие государства и общества.

V. V. Shadrin

On constitutional foundations of the idea of common welfare in the Russian Federation

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the constitutional foundations of the idea of the common good in the Russian Federation. The content of the idea of the common welfare, various approaches and correlation with related categories are considered, the Constitution of the Russian Federation and foreign constitutional and international acts are analyzed, the need to introduce the idea of the common good into scientific discourse and political and legal practice is argued.

Keywords: common welfare, common interests, common values, individual interests, the Constitution of the Russian Federation, the trust of the state and society.

Идея общего блага является одной из центральных тем философского, социально-экономического и политico-правового дискурса. Актуальность данной темы как никогда остра – на фоне пандемии коронавируса, введения ограничительных мер и вакцинации населения вновь обостряется проблема общего и частного, коллективного и индивидуального, требующего юридического осмысления.

История развития идеи общего блага очень богата и обширна, сложилось множество различных интерпретаций и теорий, однако по большому счету мы можем выделить три подхода к пониманию общего блага [1, с. 69]:

– платоновский: общее благо как благо целого, всеобщий и всецелый идеал, не допускающий частных отличий;

ШАДРИН Владимир Владиславович – старший преподаватель кафедры «Теория, история государства и права», юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: shadrinworkmail@mail.ru

SHADRIN Vladimir Vladislavovich – senior lecturer of the Department of theory and history of state and law, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

– аристотелевский: общее благо есть совокупность частных, индивидуальный интересов, поскольку каждому человеку присущи одинаковые устремления, а значит и взгляд на благо у всех общий (все стремятся к справедливости);

– цицероновский: общее благо это правопорядок, который царит в обществе.

Отсюда можно сделать вывод о том, что общее благо как категория не обладает каким-то одним утверждившимся определением. Более того, есть некоторая путаница в соотношении общего блага с такими понятиями, как общий интерес и общая ценность. Разница между общим благом и общим интересом не вполне очевидна, однако точно можно сказать, что общее благо невозможно использовать в множественном числе, а интересов все-таки может быть много. Общее благо и общая ценность также отличаются количественно, но вместе с тем общее благо рационально, не подвержено эмоциональной окраске и оценке, в то время как ценности могут изначально не иметь глубокого осмыслиения и рационализации и устанавливаться в обществе как исторически сложившаяся традиция или актуальный своему времени социокультурный или идеологический феномен [2].

Таким образом, можно обобщенно сказать, что общее благо – это то, что объединяет людей, делает существование людей в обществе общим.

Несомненно, как и многие другие идеи и ценности, идея общего блага находит свое отражение в конституционном праве. Во многих конституционных актах разных стран существует понятие «общее благо» в различных контексте и интерпретации, которые способствуют консолидации общества.

Например, в преамбуле к Конституции США упоминается, что народ Соединенных Штатов Америки провозглашает и устанавливает настоящую конституцию в том числе чтобы содействовать всеобщему благоденствию. В разделе 8 статье 1 Конституции США устанавливается право Конгресса США взимать налоги и сборы чтобы обеспечивать всеобщее благоденствие Соединенных Штатов [3].

Статья 14 Основного закона ФРГ устанавливает положение, согласно которому наличие собственности обязывает и ее использование должно одновременно служить общему благу [4].

Конституция Испании 1978 г. изобилует статьями, которые посвящены общим интересам испанского народа. Например, статья 30 часть 3 – могут быть созданы гражданские службы для осуществления целей, отвечающих общим интересам; Статья 103 – публичная администрация беспристрастно служит общим интересам и действует в соответствии с принципами эффективности, соподчиненности, децентрализации, деконцентрации и координации при полном подчинении закону и праву; Статья 128 – все богатства страны в самых разных формах и независимо от характера собственности подчинены общим интересам [5].

А в конституции Гватемалы напрямую устанавливается, что общие интересы преобладают над частными интересами (статья 44) [6].

Идея общего блага нашла свое отражение и в международном праве, однако только с точки зрения возможности государств ограничивать какие-либо права. Часть 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека устанавливает, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [7]. Статья 4 Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах гласит, что государство может устанавливать только такие ограничения прав, которые определяются законом, и только постолько, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе [8].

В Конституции РФ нет прямого упоминания и закрепления понятия «общее благо», однако некоторые положения конституции способствуют этому [9].

В преамбуле Конституции устанавливается, что она принята многонациональным народом Российской Федерации, соединенным общей судьбой, утверждая при этом гражданский мир и согласие. Разумеется, речь не идет о благе или интересе, однако единство и общность народа при принятии конституции провозглашаются. В какой-то степени идею общего блага развивает нововведенная статья 75.1, которая гласит следующее: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

В целом, существует устоявшееся мнение, что российская Конституция исходит из либеральных позиций и не предполагает общего блага, поскольку задумывалась как ответ на ошибки и недостатки социалистического строя и колlettivистского образа общественной жизни. Речь чаще всего идет не о переосмыслении или попытках найти место общему благу в российской правовой системе, а о противопоставлении общего блага и индивидуальных, частных интересов и ценностей. Показателен пример дела о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа, который рассматривался Конституционным судом РФ и по которому было вынесено особое мнение судьи А.Л. Кононова. По мнению судьи, прецедент, созданный Конституционным Судом Российской Федерации, «...искажает шкалу конституционных ценностей, поскольку баланс предполагает нивелирование, уравновешивание, равнозначность интересов отдельной личности и государства, что заведомо ставит личность в подчиненное и незащищенное положение, деформирует само понятие правового государства... беспрецедентное смещение ценностей в сторону публичных, и прежде всего государственных, интересов в пользу репрессивного характера права» [10].

Действительно, статья 2 Конституции гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Статья 7 гласит, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (не народа или общества!). Основные права и свободы человека, согласно ч. 2 ст. 17, неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Уже этого хватает для того, чтобы сказать, что идея общего блага несовместима с российской конституцией.

Однако мы считаем, что в конечном итоге без осознания и принятия идеи общего блага невозможно формирование тех идеалов и ценностей, которые закреплены в Конституции как для государства, так и общества. И в самой Конституции есть определенные основы для этого. В первую очередь, мы должны говорить о положении ч. 3 ст. 17 – осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Несмотря на всю «антропоцентричность» и «либеральность» Конституции, нельзя забывать, что «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека». Более того, каждый человек, будучи высшей ценностью, должен осознавать не только свою ценность, но и ценность окружающих. Таким образом, мы приближаемся к аристотелевскому пониманию общего блага – каждый из нас самостоятелен и свободен, обладает своими интересами и потребностями, однако это и делает нас равными, это и есть общее благо. При этом либеральный (в изначальном, неискаженном смысле) настрой Конституции сохраняется. Нельзя забывать и про положения ч. 3 ст. 55 – разумное ограничение прав, а значит и индивидуальных интересов, также способствует общему благу.

Вместе с тем, конечно, существует ряд проблем, которые препятствуют закреплению идеи общего блага. Разумеется, основная проблема заключается в том, что в нашей стране государство занимает централизованное положение в обществе. Зачастую не государство для общества, а общество для государства, а государственные интересы – это и есть общие интересы, общее благо. Собственно, поэтому и возникает оправданный страх дисбаланса индивидуальных и общественных интересов. Нужно признать очевидное – проблема заключается в управляемом сверху развитии гражданского общества, которое, по идеи, должно быть самостоятельным и инициативным. В конце концов, общее благо должно быть общим и для государства, и для общества, и для отдельно взятых личностей – именно в этом и заключается взаимное доверие общества и государства, политическая и социальная солидарность, закрепленные в новой статье 75.1. Нельзя не признать тот факт, что российское общество атомизировано и по многим вопросам у людей нет единого мнения и согласия. Это касается и противоречивой внешней политики, и законодательства об иностранных агентах, и многих других явлений. Нельзя так же допускать злоупотребления ограничениями прав человека. Зачастую новые ограничительные меры государства принимаются не с точки зрения общего блага, а лишь как охрана интересов государства и политической элиты. Само собой, немаловажное значение имеет низкий уровень правосознания и правовой культуры наших сограждан, что является непреходящей проблемой, с которой нужно бороться в том числе через правовое просвещение.

Если же говорить о некоем нормативном закреплении идеи общего блага в обществе, можно вспомнить опыт заключения Договора об общественном согласии 1994 года, который был принят в тяжелых исторических условиях и является примером того, как возможно выстроить взаимодействие общества и государства и попытаться выйти из кризиса [11]. Принятие подобного общественно-политического акта, посвященного общему благу, подтвердило бы положения Конституции и доверительные отношения и сотрудничество общества и государства.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что идея общего блага не противоречит индивидуальным интересам. В конечном итоге, носителями общего блага изначально и постоянно являются люди, каждый в отдельности и все вместе, поэтому мы все вместе и каждый лично формируем общее благо на началах равенства, свободы и справедливости.

Литература

1. Манаков Д.А. Осмысление идеи общего блага в докантовской философской традиции // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 66-69.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — ISBN 978-5-244-01115-9.
3. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>
4. Основной закон Федеративной Республики Германия // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=57162#K1kHnvSy4wOlsO8I1>
5. Конституция королевства Испания // URL: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/spain/spain--r.htm
6. Guatemala's Constitution of 1985 with Amendments through 1993 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Guatemala_1993.pdf?lang=en
7. Всеобщая декларация прав человека // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

10. Постановление КС РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа» // Вестник КС РФ. 2005. № 4.

11. Договор об общественном согласии // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014639>

References

1. Manakov D.A. Osmyslenie idei obshhego blaga v dokantovskoj filosofskoj tradicii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 318. S. 66-69.

2. Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / Institut filosofii RAN; Nacional'nyj obshhestvenno-nauchnyj fond; Predsedatel' nauchno-redakcionnogo soveta V.S. Stepin. — 2-e izd., ispr. i dopol. — M.: Mysl', 2010. — ISBN 978-5-244-01115-9.

3. Konstitucija Soedinennyh Shtatov Ameriki 1787 g. // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>

4. Osnovnoj zakon Federativnoj Respubliki Germanija // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=57162#KIkHnvSy4wOlsO8I1>

5. Konstitucija korolevstva Ispanija // URL: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/spain--r.htm

6. Guatemala's Constitution of 1985 with Amendments through 1993 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Guatemala_1993.pdf?lang=en

7. Vseobshchaja deklaracija prav cheloveka // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

8. Mezhdunarodnyj pakt ob jekonomiceskikh, social'nyh i kul'turnyh pravah // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

9. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

10. Postanovlenie KS RF ot 14.07.2005 № 9-П «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 113 Nalegovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaldoj grazhdanki G. A. Poljakovoj i zaprosom Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga» // Vestnik KS RF. 2005. № 4.

11. Dogovor ob obshhestvennom soglasii // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014639>

– ЮБИЛЕЙ –

A. N. Ким-Кимэн

Слово о якутском Апостоле права

A. N. Kim-Kimen

A word about the Yakut Apostle of Law

Говоря о Дмитрие Николаевиче Миронове невозможно удержаться от самых позитивных эмоций и слов благодарности за тот вклад, который он внес в развитие новой якутской государственности, а также сфер юридического образования и науки.

При этом многие из нас особо выделяют его глубочайшие познания по теории государства и права, истории государства и права России и зарубежных стран, конституционному праву, что позволило ему принять самое непосредственное участие в становлении и развитии юридического образования в Якутии вместе с незавенным Патриархом высшего юридического образования в нашем северном крае, доктором юридических наук, профессором Михаилом Михайловичем Федоровым, который и открыл его для нас – якутян когда в 1984 г. пригласил Дмитрия Николаевича из Оренбурга для работы в Якутском госуниверситете, а ныне СВФУ.

В своей профессорско-преподавательской деятельности доктор юридических наук, профессор Д.Н. Миронов использует абсолютно своеобразный, демократический стиль, когда он побуждает студента к с творчеству, всегда раскрывает материал в своем неповторимом авторском изложении. Вот почему его ученики приобретают качественные знания и наиболее полно раскрывают свои таланты и способности. Может быть и поэтому, мы сегодня можем гордиться тем, что выпускники нашего университета успешно трудятся не только в сфере юриспруденции, но и в органах власти федерального, регионального

КИМ-КИМЭН Александр – д. ю. н., председатель Якутского регионального отделения Ассоциации юристов России, заслуженный юрист РФ и РС (Я), профессор кафедры конституционного и муниципального права, Юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

KIM-KIMEN Alexander – Doctor of Law, Chairman of the Yakut Regional Branch of the Association of Lawyers of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation and the Republic of Sakha (Yakutia), Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

и местного уровней, а также в различных отраслях народного хозяйства. Уверен, что как профессор кафедры конституционного и муниципального права Северо-Восточного федерального университета он продолжит вносить свою большую лепту не только в развитие юридического факультета, но и всей университетской науки и практики.

Дмитрий Николаевич один из тех кто непосредственно принимал участие в разработке проектов таких важнейших документов как Декларация о государственном суверените-те республики, Федеративный Договор, Конституция (Основной Закон) Республики Саха (Якутия) и Конституция Российской Федерации. Его фундаментальные знания и умение аргументировать свои предложения заставляли коллег прислушиваться к его мнению, что имело в тот период важное значение.

Он стоял у истоков создания Конституционного суда Республики Саха (Якутия), который был образован в 1992 году, причем, одним из первых среди субъектов Российской Федерации. А нормативно-правовая база, созданная в нашей республике, в сфере консти-туционной юстиции, стала основой для подобной работы у наших коллег из других субъ-ектов РФ. Все это позволило Дмитрию Николаевичу, который в течение 22 лет возглавлял Конституционный суд Якутии, завоевать огромный авторитет среди своих коллег – пред-седателей и судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Как Председатель суда он сумел организовать работу таким образом, что каждое ре-шение Конституционного суда республики было глубоко аргументированным, а с другой стороны доступным и понятным для правоприменителей и рядовых граждан. За эти годы в республике был сформирован реально функционирующий триумвират власти в лице Президента (а ныне Главы), Государственного Собрания (Ил Тумэн) и Конституционного суда Республики Саха (Якутия). Он, безусловно, дорожит тем, что на протяжении своей многолетней, важной и ответственной государственной деятельности взаимодействовал со всенародно избранными лидерами нашей республики – президентами Михаилом Ефимо-вичем Николаевым, Вячеславом Анатольевичем Штыровым и Егором Афанасьевичем Бо-рисовым. Кроме того под его руководством была выполнена большая работа по разработке Комментария к Конституции (Основному Закону) Республики Саха (Якутия), регулярно организовывались научно-практические конференции, круглые столы и семинары.

Сегодня очень важно чтобы это большое и значимое правовое и интеллектуальное на-следие Конституционного суда республики было полезным как для законодателей, так и для правоприменителей.

К своему восьмидесятилетию, наш дорогой юбиляр – Дмитрий Николаевич Миро-нов, который является Первым Председателем Конституционного суда Республики Саха (Якутия), Почетным гражданином республики, Заслуженным юристом Российской Феде-рации, Лауреатом Государственной премии имени М.К. Аммосова в области государстven-ного строительства и Лауреатом Государственной премии имени М.М. Фёдорова в области юриспруденции пришел в добром здравии, в кругу своей дружной семьи, находясь рядом со своими коллегами по работе в Северо-Восточном федеральном университете. Все это произошло благодаря его огромной воле и высокой степени организованности, когда каж-дое утро у него начинается с двухчасовой ходьбы и зарядки, а трудовой день насыщен новыми делами и интересными встречами.

Мы должны бережно относиться к тому, что сделал и что делает профессор Д.Н. Миро-нов и доводить до нынешней плеяды профессорско-преподавательского состава нашего университета. Я уверен, что ознакомление с его трудовой и научно-преподавательской де-ятельностью нашего Апостола права будет интересным путешествием в мир этого неорди-нарного и самобытного Человека, глубоко преданного своей родной республике, Патриота России и достойного Гражданина.

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. К. АММОСОВА
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО.
HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW»**

Сетевое издание

№ 1 (25) 2022

Технический редактор *Н. Ю. Печетова*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 31.03. 2022.